

БЕЗЗУМНЫЙ АДДАМ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
НОВЫЙ РОМАН ОТ ЛАУРЕАТА БУКЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ. ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА. ПО ВЕРСИИ
THE GUARDIAN, NPR, THE CHRISTIAN SCIENCE
MONITOR, THE GLOBE AND MAIL.

МАРГАРЕТ

ЭТВУД

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР. ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Маргарет Этвуд
Безумный Аддам
Серия «Интеллектуальный бестселлер»
Серия «Орикс и Коростель», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9188618
Безумный Аддам / Маргарет Этвуд; [пер. с англ. Т. П. Боровиковой]: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78720-3

Аннотация

«Безумный Аддам» – третья часть трилогии, в которую входят «Орикс и Коростель» и «Год потопа». Книга получила восторженные отзывы критики, вошла в списки бестселлеров New York Times и Washington Post, была названа лучшей книгой по версии The Guardian, NPR, The Christian Science Monitor, The Globe and Mail.

«Безумный Аддам» – фантастический роман, но, к сожалению, даже самые невероятные фантазии иногда становятся действительностью. Читатель наверняка сможет провести параллели с реальными событиями, имевшими место в прошлом, и, надеемся, услышит предостережение автора – именно в этом залог того, что человечество избежит страшного будущего.

Содержание

Трилогия Безумного Аддама: содержание предыдущих книг	5
Яйцо	8
Веревка	10
Веревка	10
Шествие	13
Мак	15
Саманный дом	18
Утро	18
Завтрак	21
Гамак	25
История	28
Возвращение домой	33
«Медведелёт»	35
История о том, как Зеб потерялся в горах и съел медведя	35
Меховой промысел	37
Авария	40
Припасы	44
Барак	47
Йети	51
История Зеба, Спасибо и Спокойной Ночи	56
Шрамы	58
Шрамы	58
Фиолет-биолет	62
Взмах ресниц	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Маргарет Этвуд Безумный Аддам

Margaret Atwood

MaddAddam

Copyright © 2013 by O.W. Toad Ltd.

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Эта книга – художественное произведение. Ее персонажи, упомянутые в ней имена, описанные в ней компании, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора или используются для воплощения художественного замысла. Любое сходство с реальными личностями, живыми или мертвыми, реальными событиями и местами – случайное совпадение.

Моей семье и Ларри Гейнору (1939–2010)

Трилогия Безумного Аддама: содержание предыдущих книг

Первые две книги в «Трилогии Безумного Аддама» – «Орикс и Коростель» и «Год потопа». «Безумный Аддам» – третья книга.

1. «Орикс и Коростель»

Повествование начинается с того, что Снежный Человек живет на дереве у океанского побережья. Он считает себя последним человеком на свете, единственным оставшимся в живых после смертельной пандемии, опустошившей Землю. Рядом с ним живут Дети Коростеля – крошечные гуманоидные существа, созданные биоинженерным гением по имени Коростель, некогда лучшим другом Снежного Человека и его соперником в любви к прекрасной и загадочной Орикс.

Дети Коростеля не знают ни ревности, ни жадности, ни потребности в одежде, репелленте от насекомых и животном белке – ничего из того, что, по мнению Коростеля, не только портило жизнь человеческому роду, но и сгубило окружающую среду на Земле. Дети Коростеля спариваются раз в сезон, когда определенные органы их тела окрашиваются в синий цвет. Коростель постарался лишить Детей способности к символическому мышлению и музыке, но они умеют петь (в весьма оригинальном, ни на что не похожем стиле) и выработали систему религиозных верований, где Коростель выступает в роли творца, Орикс – покровительницы всех животных, а Снежный Человек – пророка (против собственной воли). Именно Снежный Человек вывел Детей Коростеля из высокотехнологичного купола «Паро-диз», где они обитали с момента создания, на нынешнее место жительства – побережье океана.

В прежней жизни, до эпидемии, Снежного Человека звали Джимми. Его мир делился на охраняемые поселки (ОП) и плебсвилли. ОП – владения корпораций, обиталище технократической элиты, правящей обществом через свое силовое ведомство, Корпорацию Корпоративной Безопасности, или ККБ. Плебсвилли – мир за пределами ОП, с городскими трущобами, пригородами и торговыми центрами, где жили, ходили за покупками и обдeldывали разные аферы все остальные члены общества.

Раннее детство Джимми прошло в охраняемом поселке корпорации «Фермы Орган-Инк», где его отец работал над выведением свиноидов – генно-модифицированных свиней с органами человека, предназначенными для пересадки, в том числе почками и мозговыми тканями. Потом отца Джимми перевели в «Здравайзер», корпорацию, которая разрабатывала лекарственные препараты для здоровья и хорошего самочувствия. Именно в Здравайзеровской средней школе подросток Джимми познакомился с Коростелем, которого тогда еще звали Гленн. Мальчики сдружились на почве общего интереса к интернет-порнографии и сложным онлайн-играм. Среди этих игр была одна под названием «Вымирафон», которой руководила загадочная личность, некто «Безумный Аддам»: «Адам давал имена живым тварям, Безумный Аддам перечисляет имена тварей мертвых». Джимми и Гленн научились заходить в «Вымирафон» через чат, доступный только доверенным лицам, гроссмейстерам игры.

Коростель и Джимми потеряли друг друга из виду, когда Коростеля приняли в щедро финансируемый Институт Уотсона-Крика, а Джимми, гуманитарий по складу ума, был вынужден довольствоваться убогой Академией Марты Грэм. По странному совпадению мать и отчим Коростеля умерли от загадочной болезни, при которой тело превращается в

слизь. Затем группа биотеррористов под кодовым названием «Безумные Аддамы» начала использовать продукты генной инженерии – макро– и микроорганизмы – для атак на ККБ и инфраструктуру правительства.

Несколько лет спустя Джимми и Коростель встретились вновь. Коростель в это время заведовал лабораторией в куполе «Пародиз», где создавались генные сплайсы нового биологического вида – Детей Коростеля. Кроме того, Коростель разработал таблетку «НегаПлюс», которая одновременно повышала наслаждение от полового акта, с вероятностью 100 % предохраняла от зачатия и продлевала молодость. Джимми с удивлением обнаружил, что имена ученых в лаборатории «Пародиз» совпадают с никами игроков в «Вымирафон». Это оказались биотеррористы из группы «Безумного Аддама» – Коростель выследил их через чат и пообещал амнистию, если они будут работать на него в «Пародизе». Но в таблетках «НегаПлюс» содержался тайный ингредиент, и вскоре после их выхода на рынок началась пандемия, которая стерла человечество с лица планеты. Воцарился хаос, в котором погибли Орикс и Коростель. Джимми остался один с Детями Коростеля.

Преследуемый воспоминаниями о покойной Орикс и предателе Коростеле, отчаявшийся в спасении, больной и измученный чувством вины Снежный Человек совершает вылазку в купол «Пародиз» в поисках оружия и припасов, которые, как он точно знает, там есть. По дороге на него нападают генно-модифицированные животные – свирепые волкопсы и гигантские свиноиды; последние необычно умны, так как обладают тканями человеческого мозга.

Роман «Орикс и Коростель» заканчивается тем, что Снежный Человек обнаруживает трех других людей, переживших эпидемию. Что он сделает? Присоединится к ним, бросив Детей Коростеля на произвол судьбы? Или, зная разрушительные наклонности своего биологического вида, сам убьет пришельцев? На его колебаниях книга заканчивается.

2. «Год потопа»

Сюжет «Года потопа» разворачивается одновременно с сюжетом «Орикс и Коростеля», но действие книги происходит в плебсвиллях за стенами охраняемых поселков. Это история вертоградарей (они же «Садовники Господни»), адептов «зеленой» религии, основанной Адамом Первым. Вожди сообщества вертоградарей, Адамы и Евы, проповедуют общность Природы и Святого Писания, необходимость любви ко всем живым существам, пагубность технологий и коварство корпораций. Вертоградари избегают насилия. Они возделывают огороды и держат пасеки на крышах зданий в плебсвиллях.

Рассказ начинается в настоящем времени – в двадцать пятом (по летосчислению вертоградарей) году, году Безводного Потопа, как вертоградари называют пандемию. Тоби, вооруженная устаревшим карабином, окопалась в салоне красоты «НоваТы» и надеется на появление других выживших вертоградарей, особенно Зеба, уличного бойца и бывшего вертоградаря, которого она втайне любит. Нарушая кодекс вертоградарей, Тоби пристреливает одного из свиноидов, уничтожающих ее огород. Однажды она видит издали шествие голых людей, возглавляемое бородатым мужчиной в лохмотьях. Тоби ничего не знает о Снежном Человеке и Детях Коростеля и потому решает, что это была галлюцинация.

Тем временем юная Рен заперта в биоизоляторе стрип-клуба «Хвост-чешуя», где она работала до прихода Безводного Потопа. Как раз перед Потопом в клубе происходит разгром – это развлекались игроки в больбол, бывшие заключенные системы ККБ, в которых не осталось уже ничего человеческого: их заставили сражаться на выживание с другими осужденными на специальной арене для больбола. Рен знает, что умрет с голоду, если ее подруга детства Аманда не доберется до клуба, чтобы открыть дверь изолятора снаружи.

Задолго до этого вертоградари вырвали Тоби из лап жестокого больболиста по имени Бланко, ее начальника в зловещей сети питания «Секрет-бургер». Тоби стала Евой, специалисткой по грибам, пчелам и зельям. Ее наставница, старая Пилар, как и многие другие вертоградари, когда-то была биоинженером и работала на корпорации, а затем сбежала. Но все еще поддерживала тайные связи с информантами внутри корпораций, в том числе с подростком-Коростелем.

Рен вместе с Аmandой – мастерицей выживания и чрезвычайно обаятельной «плебокрыской» – были ученицами Тоби в школе вертоградарей. Мать Рен, Люцерна, бежала из охраняемого поселка «Здравайзера» вместе с Зебом, но, разгневанная его нежеланием заключить с ней брак по обряду вертоградарей, сбежала обратно в «Здравайзер», когда Рен было тринадцать лет. Подросток Джимми соблазнил Рен, а затем бросил. В конце концов Рен устроилась танцевать в стрип-клуб «Хвост-чешуя» (в обиходе – «Чешуйки»), сочтя эту работу наиболее привлекательной из всех открытых ей возможностей.

Зеб и его единомышленники откололись от пацифистов-вертоградарей Адама Первого из-за разногласий по поводу тактики и начали заниматься биотерроризмом, направленным против корпораций, координируя свои действия через чат «Вымирафона». Оставшиеся вертоградари подверглись нападению ККБ и были вынуждены уйти в подполье, где продолжали готовиться к Безводному Потопу.

В текущем – двадцать пятом – году Аманда умудряется добраться до «Чешуек» и освободить Рен. Пока они празднуют встречу, появляются трое их друзей, бывших вертоградарей – Шеклтон, Крозье и Оутс, – за которыми гонятся Бланко и два других больболиста. Пятеро молодых людей бегут, но больболисты устраивают им засаду, насилуют Рен и Аманду, похищают Аманду и убивают Оутса.

Рен с трудом добирается до салона красоты «НоваТы», где Тоби выхаживает ее. Затем они отправляются на поиски Аманды. Избежав столкновения с одичавшими свиноидами и разобравшись с Бланко, они находят группу выживших людей, обосновавшихся в саманном домике в небольшом парке. Среди них – Зеб и его группа «Беззумные Аддамы», а также несколько бывших вертоградарей. Они верят, что Адам Первый жив, и уходят его искать.

Тоби и Рен пускаются в опасный путь – они хотят отбить Аманду у больболистов. На морском берегу они натываются на поселение странных, голых и местами синих людей, которые сообщают, что видели трех одетых человек – двух мужчин и женщину. Догадавшись, что это Аманда и два ее похитителя, Тоби и Рен обнаруживают их как раз в тот момент, когда Снежный Человек, – в бреду, с инфицированной раной – собирается застрелить всех троих из пистолета-распылителя, найденного в «Пародизе».

«Год потопа» кончается тем, что больболисты привязаны к дереву, а Рен ухаживает за измученной Амандой и за Снежным Человеком, который мечется в жару. Так как это день Святой Юлианы, праздник всепрощения, Тоби, соблюдая обычай вертоградарей, кормит супом всех, включая больболистов. В это время к ним по берегу приближается группа синих Детей Коростеля, оглашая лес странным жутковатым пением.

Яйцо

*История про Яйцо, про Орикс и Коростеля,
и про то, как они сотворили Людей и Животных;
и про Хаос; и про Джимми-Снежнычеловека;
и про вонючую кость, и про пришествие двух Плохих Людей*

Вначале вы жили в Яйце. Там вас сотворил Коростель.

Да, хороший, добрый Коростель. Пожалуйста, не надо петь, или я не смогу рассказывать.

Яйцо было большое, белое и круглое, как половина пузыря, и у него внутри были деревья с листьями, и трава, и ягоды. Все, что вы любите есть.

Да, в Яйце шел дождь.

Нет, грома там не было.

Потому что Коростель не захотел, чтобы в Яйце был гром.

А вокруг Яйца был один только хаос и много-много людей, не похожих на вас.

Потому что у них была лишняя кожа. Эта кожа называется «одежда». Да, как у меня.

И многие из этих людей были плохие – они делали плохо и больно друг другу и разным животным. Например, они... Сейчас мы не будем об этом говорить.

И Орикс была очень печальна, потому что животные – ее дети. И Коростель был печален, потому что Орикс была печальна.

И снаружи Яйца хаос был повсюду. Но внутри Яйца хаоса не было. Там все было тихо.

И Орикс каждый день приходила вас учить. Она учила вас, что можно есть, она учила вас разводить огонь, она учила вас всему, что вам нужно знать про животных – Детей Орикс. Она учила вас мурлыкать, если кому-нибудь больно. А Коростель охранял вас.

Да, хороший, добрый Коростель. Пожалуйста, не надо петь. Не обязательно петь каждый раз. Конечно, Коростелю нравится, как вы поете, но еще ему нравится моя история, и он хочет дослушать ее до конца.

Однажды Коростель уничтожил хаос и людей, которые делали другим больно. Он сделал это, чтобы Орикс была счастлива и чтобы у вас было безопасное место для жизни.

Да, от этого вокруг какое-то время очень плохо пахло.

А потом Коростель ушел в свой дом на небе, и Орикс ушла вместе с ним.

Я не знаю, почему они ушли. Наверняка у них была важная причина. И они оставили Джимми-Снежнычеловека, чтобы он заботился о вас, и он привел вас на берег моря. И в рыбные дни вы ловили ему рыбу, и он съедал ее.

Я знаю, что вы никогда не едите рыбу, но Джимми-Снежнычеловек не такой, как вы.

Потому что ему надо есть рыбу, иначе он очень сильно заболит.

Потому что он так устроен.

И однажды Джимми-Снежнычеловек пошел к Коростелю. А когда вернулся, у него на ноге было бо-бо. И вы мурлыкали над ним, но ему не стало лучше.

А потом пришли два плохих человека. Они остались от хаоса.

Я не знаю, почему Коростель не убрал их. Может быть, они спрятались под кустом и он их не заметил. Но они схватили Аманду и стали делать ей плохо и больно.

Нет, сейчас мы не будем говорить о том, что они с ней делали.

И Джимми-Снежнычеловек хотел их остановить. А потом пришла я, и Рен тоже пришла, и мы поймали двух плохих людей и привязали их к дереву веревкой. Потом мы сели вокруг костра и стали есть суп. Джимми-Снежнычеловек ел суп, и Аманда ела суп, и Рен тоже ела суп. Даже два плохих человека ели суп.

Да, в супе была кость. Да, это была вонючая кость.

Я знаю, что вы не едите вонючую кость. Но многие Дети Орикс любят есть такие кости. Рыськи их едят, и скуноты их едят, и свиноиды их едят, и львагнцы тоже их едят. Они все едят вонючие кости. И медведи тоже их едят.

Что такое медведь, я расскажу вам потом.

Сейчас мы не будем больше говорить про вонючие кости.

И пока они все ели суп, вы пришли с факелами, потому что хотели помочь Джимми-Снежнычеловеку, потому что у него была больная нога. И еще вы знали, что тут есть синие женщины, и хотели с ними спариться.

Вы не знали про плохих людей и про то, почему на них была веревка. Вы не виноваты, что они убежали в лес. Не плачьте.

Да, Коростель очень сердит на этих плохих людей. Может быть, он пошлет на них гром.

Да, хороший, добрый Коростель.

Пожалуйста, не надо петь.

Веревка

Веревка

О событиях того вечера – событиях, вновь выпустивших в мир человеческую злобу, – Тоби потом сложила две истории. Первую – со счастливым концом (во всяком случае, настолько счастливым, насколько у Тоби хватило изворотливости), чтобы рассказывать ее вслух Детям Коростеля. Вторую – только для себя, менее лучезарную. Эта история повествовала частично об идиотизме самой Тоби, ее упущениях, но отчасти и о темпе. Все произошло слишком быстро.

Конечно, Тоби была уставшая; прилив адреналина сменился упадком. Это и понятно, ведь ей выпали очень трудные два дня, когда приходилось напрягать все силы и почти не пришлось есть.

Накануне она и Рен покинули убежище – саманный домик Беззумных Аддамов, где укрылась горстка выживших после пандемии. Тоби и Рен отправились на поиски Аманды, лучшей подруги Рен, и нашли ее как раз вовремя, потому что два больболиста, захватившие Аманду, уже использовали ее почти до конца. Тоби хорошо знала повадки больболистов: один из них чуть не убил ее перед тем, как она попала к вертоградарям. У любого, кто больше одного раза побывал в больболе, мозг атрофировался до рептильного. Если попадаешь в руки к больболисту, он пользуется тобой в сексуальном плане, пока от тебя не остается одна сухая шкурка; после этого ты становишься обедом. Больболисты особенно любили почки.

Тоби и Рен притаились в кустах, слушая, как больболисты спорят о скуноте, которого едят, о том, следует ли атаковать Детей Коростеля, и о том, что дальше делать с Амандой. Рен была испугана до потери рассудка; Тоби надеялась, что Рен не упадет в обморок, но не могла слишком долго о ней думать, потому что набиралась храбрости для выстрела. Которого застрелить первым, бородатого или стриженного? Успеет ли второй схватиться за пистолет-распылитель? Аманда не поможет и даже сбежать не сумеет: у нее на шее веревка, а другой конец веревки привязан к ноге бородатого. Стоит Тоби сделать неверное движение, и Аманда погибнет.

Тут из кустов вывалился незнакомый мужчина, обожженный солнцем, покрытый болячками, голый, с пистолетом-распылителем в руке, и чуть не перестрелял всех, в том числе Аманду. Но Рен закричала и выбежала на поляну, и это отвлекло больболистов. Тоби шагнула из кустов с нацеленным ружьем, Аманда вырвалась от того, кто ее держал, и больболистов скрутили, пнув несколько раз в пах и треснув камнем, и связали их собственной веревкой и полосками, оторванными от розовой накидки с логотипом «НоваТы», которую Тоби носила для защиты от солнца.

Рен тут же занялась Амандой, которая, кажется, впала в шок, и голым в болячках, которого называла Джимми. Она завернула его в остаток накидки, тихо приговаривая что-то; по-видимому, этот Джимми когда-то был ее бойфрендом.

Когда все более или менее улеглось, Тоби решила, что можно расслабиться. Она успокаивалась с помощью дыхательного упражнения вертоградарей, приспособленного к ритму шуршащих рядом волн – шшшш-шшшш, шшшш-шшшш, – пока пульс не снизился до нормы. Потом она сварила суп.

А потом взошла луна.

Восход луны означал, что по календарю вертоградарей начался праздник святой Юлианы и Всех Душ¹: праздник нежности и сострадания Бога ко всем живым существам. «Он держит вселенную в Своей ладони, как было открыто в мистическом видении много столетий назад святой Юлиане Нориджской, которая поведала об этом нам. Мы должны прощать, наши поступки должны быть исполнены любви и доброты, и никакой круг не должен быть разорван. «Все души» – значит, все без исключения, что бы они ни совершили. По крайней мере, от восхода луны до ее захода».

Если уж Адамы и Евы у вертоградарей тебя чему-нибудь научили, это остается с тобой навсегда. У Тоби просто не поднялась бы рука убить больболистов – хладнокровно убить беспомощных людей, поскольку те были уже крепко привязаны к дереву.

Привязывали их Аманда и Рен. Они вместе учились в школе у вертоградарей, в программе которой много времени уделялось созданию разных поделок из вторичных материалов, и превосходно умели вязать узлы. Больболисты стали похожи на макраме.

В тот благословенный вечер святой Юлианы Тоби отложила оружие в сторону – свой собственный старинный карабин, и пистолет-распылитель больболистов, и пистолет-распылитель Джимми тоже. Потом стала изображать добрую фею-крестную, разливая суп, деля питательные вещества по справедливости на всех.

Должно быть, ее заворожило ощущение собственной доброты и благородства. Она рассадила всех в кружок у уютного вечернего костра и всем налила супу – даже Аманде, которая была настолько истерзана, что почти впала в кататонию; даже Джимми, которого трепала лихорадка, – он разговаривал вслух с давно умершей женщиной, стоящей посреди костра. Даже двум больболистам; неужели Тоби действительно думала, что они раскаются, обратятся и станут белыми и пушистыми? Удивительно, что, разливая суп, она не начала говорить проповедь по случаю праздника. «Ешьте все – и ты, и ты, и ты! Отбросьте злобу и ненависть! Войдите в круг света!»

Но злоба и ненависть – как наркотик. Они опьяняют. И, попробовав раз, ты хочешь еще, а если не получаешь, у тебя начинается ломка.

Пока они ели суп, из-за деревьев послышались голоса – кто-то приближался по берегу. Это были Дети Коростеля – странные существа, продукты генной инженерии, живущие на побережье. Они цепочкой шли по лесу, неся факелы из смолистой сосны и распевая свои хрустальные песни.

Раньше Тоби видела этих людей лишь недолго и при дневном свете. В свете луны и факелов их красота сверкала еще ярче. Дети Коростеля были самых разных цветов – коричневые, желтые, черные, белые – и разного роста, но каждый – совершенство. Женщины безмятежно улыбались; мужчины, готовые к спариванию, несли в руках букеты цветов; обнаженные тела – словно из комикса для подростков, где тела изображены в соответствии с идеалом, где каждый мускул и каждая ложбинка четко очерчены и блестят. Мужчины виляли из стороны в сторону ярко-синими, неестественно огромными пенисами, словно дружелюбные собаки хвостами.

Позже Тоби никак не могла вспомнить точной последовательности событий, если какая-то последовательность вообще была. Это скорее походило на стычку банд в плембвилле: стремительные броски, сплетение тел, какофония голосов.

Дети Коростеля: Где синие женщины? Мы слышим синий запах! Смотрите, это Снежный Человек! Он худой! Он очень больной!

Рен: О черт, это Дети Коростеля! А если они захотят... Поглядите на их... Блин!

Женщина из Детей Коростеля, заметив Джимми: Давайте поможем Снежному Человеку! Нужно над ним помурлыкать!

---

¹ Сведения о святых, почитаемых вертоградарями, см. в конце книги.

Мужчины из Детей Коростеля, заметив Аманду: Вот синяя! Она пахнет синим! Она хочет с нами спариться! Дайте ей цветы! Она будет рада!

Аманда, испуганно: Отойдите! Я не хочу... Рен, помоги! (*Аманду берут в кольцо четверо больших красивых обнаженных мужчин с цветами в руках.*) Тоби! Прогони их! Стреляй!

Женщина из Детей Коростеля: Она больна. Сначала мы должны над ней помурлыкать. Чтобы она выздоровела. И, может быть, дать ей рыбу?

Мужчины из Детей Коростеля: Она синяя! Она синяя! Мы рады! Пойте ей! Другая тоже синяя! Эта рыба для Снежного Человека. Мы должны ее сбечь.

Рен: Аманда, может, лучше взять цветы, а то вдруг они разольются или что-нибудь...

Тоби (тонким голосом, безо всякого эффекта): Пожалуйста, послушайте, отойдите, вы пугаете...

Дети Коростеля: Что это? Это кость?

Несколько женщин, заглядывая в котелок с супом: Вы едите эту кость? Она плохо пахнет.

Дети Коростеля: Мы не едим кость. Снежный Человек не ест кость, он ест рыбу. Почему вы едите вонючую кость? Это нога Снежного Человека пахнет как кость! Как кость, которую бросили грифы! О Снежный Человек, мы должны помурлыкать над твоей ногой!

Джимми, в бреду: Кто ты? Орикс? Но ты же умерла. Все умерли. Все люди, во всем мире, умерли... (*Начинает плакать.*)

Дети Коростеля: Не плачь, о Снежный Человек! Мы пришли тебе помочь!

Тоби: Может быть, лучше не трогать... Это инфекция... Ему нужно...

Джимми: Ой! Бля!

Дети Коростеля: О Снежный Человек, не лягайся. Ты сделаешь своей ноге хуже. (*Несколько Детей Коростеля начинают мурлыкать – получается звук, словно работает кухонный миксер.*)

Рен, зовя на помощь: Тоби! Тоби! Эй, а ну-ка отпустите ее!

Тоби оглядывается, смотрит через костер: Аманда исчезла в мерцающей куче обнаженных мужских конечностей и спин. Рен бросается в гущу сражения и почти сразу исчезает из виду.

Тоби: Стойте! Не надо... Прекратите! (*Что делать? Это капитальное недоразумение, обусловленное разницей культур. О, будь у нее ведро холодной воды!*)

Сдавленные крики. Тоби бросается на помощь, но вдруг

Один из больболистов: Эй, вы! Подите сюда!

Дети Коростеля. Эти люди пахнут очень плохо. Они пахнут грязной кровью. Где кровь? Что это такое? Это веревка. Почему они привязаны веревкой? Снежный Человек показывал нам веревку, раньше, когда жил на дереве. Веревка – это для того, чтобы делать его дом. О Снежный Человек, почему веревка привязана к этим людям? Она делает им больно. Мы должны убрать ее.

Второй больболист: Да, да, так и есть. Мы ужасно мучаемся, бля. (*Стонет.*)

Тоби: Нет! Не отвязывайте... Эти люди вас...

Больболист: Бля! Шевелись, синий хер, а то эта сука...

Тоби: Не трогайте их, они...

Но было уже поздно. Кто знал, что Дети Коростеля умеют так ловко развязывать узлы?

Шествие

Больболисты исчезли в темноте, оставив спутанную веревку и рассыпанные угли. Идиотка, думала Тоби. Надо было не поддаваться жалости. Проломить им головы камнем, перерезать горло ножом, даже пулю на них не тратить. Ты повела себя как дебилка, твое бездействие – преступная халатность.

Видно было плохо – костер угасал, – но она быстро подвела итоги: хотя бы ее карабин был на месте – небольшая милость судьбы. Но пистолет-распылитель больболистов исчез. Кретинка. Вот тебе твоя святая Юлиана и любовная забота вселенной.

Аманда и Рен плакали, вцепившись друг в друга, а несколько прекрасных Дочерей Коростеля обеспокоенно поглаживали их. Джимми упал на бок и разговаривал с догорающими углями. Чем скорее они все доберутся до саманного домика, тем лучше – здесь, в темноте, они просто неподвижные мишени. Больболисты вернутся за оставшимся оружием, и Тоби уже понимала, что в этом случае от Детей Коростеля толку не будет никакого. «Почему ты меня ударил? Коростель рассердится! Он пошлет гром!» Если она свалит больболиста выстрелом, Дети Коростеля бросятся между ними и не дадут нанести завершающий удар. «О, ты сделала бабах, человек упал, в нем дырка, течет кровь! Он ранен, мы должны ему помочь!»

Но даже если больболисты вернутся не сразу – в лесу есть и другие хищники. Рыськи, волкопсы, львагнцы, и огромные дикие свиньи, они гораздо хуже. И еще: теперь, когда в городах и на дорогах нет людей – кто знает, как скоро с севера начнут приходить медведи?

– Нам надо идти, – сказала она Детям Коростеля. К ней повернулись головы, на нее уставилось несколько пар зеленых глаз. – Снежный Человек должен идти с нами.

Дети Коростеля заговорили все разом.

– Снежный Человек должен оставаться с нами! Мы должны вернуть его на его дерево.

– Да, это то, что он любит. Он любит дерево.

– Да, только он может говорить с Коростелем.

– Только он может поведать нам слова Коростеля, слова о Яйце.

– О хаосе.

– Об Орикс, которая сотворила всех животных.

– О том, как Коростель прогнал хаос.

– Хороший, добрый Коростель.

Они запели.

– Нам нужно достать лекарство, – в отчаянии сказала Тоби. – Иначе Джимми... иначе Снежный Человек умрет.

Непонимающие взгляды. Может, они вообще не знают, что такое смерть?

Дети Коростеля удивленно сморщили лбы:

– Что такое «джимми»?

Ошибка: неправильное имя.

– Джимми – это другое имя Снежного Человека.

– Почему? Почему у него другое имя? Что значит «джимми»?

Кажется, это было им гораздо интересней, чем смерть.

– Это розовая кожа Снежного Человека так называется?

– Я тоже хочу джимми! – пропищал маленький мальчик.

Как им объяснить?

– Джимми – это имя. У Снежного Человека два имени.

– Его зовут Джимми-Снежнычеловек?

– Да, – сказала Тоби, потому что теперь его именно так и звали.

– Джимми-Снежнычеловек, Джимми-Снежнычеловек, – понеслось по кругу.

– Почему у него два имени? – спросил кто-то, но другие уже переключились на следующее непонятное слово: – Что такое «лекарство»?

– Лекарство – это такая вещь, которая поможет Джимми-Снежнычеловеку выздороветь, – рискнула Тоби. Дети Коростеля заулыбались: эта мысль им понравилась.

– Тогда мы тоже пойдем, – сказал один из Детей Коростеля, кажется, главный среди них – высокий желтовато-смуглый мужчина с римским носом. – Мы понесем Джимми-Снежнычеловека.

Двое Сыновей Коростеля легко подняли Джимми. Тоби совершенно не нравились его глаза: они превратились в белые щелки меж полузакрытых век.

– Я лечу, – пробормотал он, когда Дети Коростеля подняли его.

Тоби нашла пистолет-распылитель Джимми и вручила его Рен, сначала отщелкнув предохранитель: Рен, конечно, не сможет выстрелить, куда ей, но в случае чего лучше быть начеку.

Тоби думала, что к саманному домику с ними пойдут только двое добровольцев из Детей Коростеля, но за ними увязалась вся толпа, даже малыши. Они все хотели быть поближе к Снежному Человеку. Мужчины несли его по очереди; остальные высоко держали факелы и время от времени пели странными голосами, похожими на жидкое стекло.

Четыре женщины шли с Рен и Амандой, поглаживая их и касаясь их рук.

– Орикс поможет тебе, – сказали они Аманде.

– Не смейте больше подпускать к ней этих, с синими херами, бля, – сердито сказала Рен.

– Что значит «синими херами»? – растерянно спросили женщины. – Что такое «бля»?

– Не смейте, поняли? А то смотрите у меня!

– Орикс сделает ее счастливой, – отозвались женщины, хотя и без особой уверенности. – Куда нам смотреть?

– Ничего, – слабо сказала Аманда, обращаясь к Рен. – Ты-то как?

– Нет, бля, не «ничего»! Надо скорее доставить тебя к «Беззумным Адамдам». У них есть кровати, и водяная скважина, и все прочее. Мы тебя отмоем, и Джимми тоже.

– Джимми? – переспросила Аманда. – Это Джимми? А я думала, он умер, как все остальные.

– Я тоже думала. Но многие выжили. Ну, некоторые. Зеб жив, и Ребекка, и мы с тобой, и Тоби, и...

– А куда свалили эти двое? В смысле, больболисты. Жалко, я не вышибла им мозги, когда была возможность, – она коротко засмеялась, отмахиваясь от боли, совсем как в былые плебсвилльские годы. – Далеко еще?

– Давай они тебя понесут.

– Не надо. Я могу идти.

Вокруг факелов порхали мотыльки, листья шелестели над головой на ночном ветерке. Сколько времени они шли? Тоби казалось, что прошло много часов, но при лунном свете время определять трудно. Они направлялись на запад, через Парк Наследия; шум волн за спиной становился все тише. Они шли по тропе; Тоби совсем не узнавала дорогу, но, кажется, Дети Коростеля знали, куда идут.

Тоби с ружьем наготове замыкала шествие, напрягая слух – не послышатся ли шаги меж деревьев, не треснет ли ветка, не засопит ли кто-нибудь. Но слышала лишь кваканье и редкое чириканье – лягушки или проснулась ночная птица. Тоби спиной ощущала огромную темноту; великанская тень падала от ее ног, смешиваясь с еще более темными тенями позади.

Мак

Наконец они дошли до ограды саманного домика. В ограде горела единственная лампочка и стояли на часах Крозье, Дюгонь и Майна, с пистолетами-распылителями наготове. У них были головные лампы на ремнях, восторгнутые из магазина для велосипедистов.

Рен выбежала вперед.

– Это мы! Все в порядке! Мы нашли Аманду!

Головная лампа Крозье запрыгала вверх-вниз: он открывал ворота.

– Молодцы! – крикнул он.

– Отлично! Я скажу остальным! – Майна ушла в дом.

– Кроз! Мы победили! – Рен бросилась ему на шею, уронив распылитель. Крозье поднял ее, закружил и поцеловал. Потом поставил на землю.

– Эй, а где ты взяла распылитель?

Рен заплакала.

– Я думала, они нас убьют! Эти двое. Но ты бы видел Тоби! Она такая крутая! У нее было ее старое ружье, и мы треснули их камнями, а потом привязали, но...

– Ух ты, – сказал Дюгонь, разглядывая Детей Коростеля, которые валили в ворота, переговариваясь между собой. – Да это же наш цирк из «Пародиза»!

– Так это они, да? – спросил Крозье. – Те голые уроды, которых сделал Коростель? Которые живут на берегу?

– Не надо называть их уродами, – сказала Рен. – Они могут услышать.

– Не один Коростель, – поправил Дюгонь. – Мы все над ними работали в проекте «Пародиз». Я, Американская Лисица, Белоклювый Дятел...

– Зачем они пришли с вами? – спросил Крозье. – Чего им надо?

– Они просто хотели помочь, – сказала Тоби. Она вдруг почувствовала, что ужасно устала; ей уже ничего не нужно было – только упасть у себя в закутке и отключиться. – Кто-нибудь еще приходил?

Зеб ушел из саманного домика одновременно с ними – на поиски Адама Первого и всех остальных выживших вертоградарей. Тоби жаждала узнать, не вернулся ли он, но расспрашивать в открытую не желала: согласно присказке вертоградарей, кто по другому сохнет, тот к общему благу глохнет, тем более Тоби никогда не любила афишировать свои чувства.

– Только эти свиньи опять, – ответил Крозье. – Хотели подкопаться под забор в огороде. Мы направили на них прожекторы, и они убежали. Они знают, что такое пистолет-распылитель.

– Особенно после того, как одна-две пошли на бекон, – заметил Дюгонь. – Монстробекон, учитывая, что они – сплайсы. Мне все еще не по себе, когда я их ем. У них в неокортексе ткани человеческого мозга.

– Надеюсь, монстролюди Коростеля не намерены поселиться у нас, – сказала светловолосая женщина, вышедшая из саманного домика вместе с Майной. Тоби успела запомнить ее за то недолгое время, что пробыла здесь до начала похода за Амандой: женщину звали Американская Лисица. Она явно разменяла четвертый десяток, но сейчас на ней была ночная рубашка с кружавчиками по подолу, которая скорее подошла бы двенадцатилетке. Где она такую взяла? Наверное, утащила из магазина «Аппетитные голопопки» или какой-нибудь лавчонки «Все по сто долларов».

– Вы, должно быть, ужасно устали, – сказала Майна, обращаясь к Тоби.

– Не знаю, зачем вы их привели, – сказала Американская Лисица. – Такую толпу. Мы их не прокормим.

– Их и не надо кормить, – сказал Дюгонь. – Они питаются листьями, ты разве не помнишь? Так их спроектировал Коростель. Чтобы им не нужно было сельское хозяйство.

– Точно, – ответила Американская Лисица. – Ты работал над этим модулем. Я-то занималась мозгами. Лобными долями, модификацией сенсорного ввода. Я пробовала сделать их не такими скучными, но Коростель велел убрать агрессию, и даже юмор запретил. Ходячие картофелины.

– Они очень хорошие, – сказала Рен. – Женщины, во всяком случае.

– Наверняка самцы захотели с тобой спариться; они все время пытаются это делать. Главное, не заставляйте меня с ними разговаривать. Я иду обратно в постель. Спокойной ночи всем, приятного общения с картошкой. – Американская Лисица зевнула, потянулась и неторопливо ушла.

– Чего она такая злая? – спросил Дюгонь. – Она весь день сегодня такая.

– Гормоны, наверное, – ответил Крозье. – А ночнушка-то!

– Она ей явно мала, – прокомментировал Дюгонь.

– О, ты заметил!

– Может, у нее другие причины для плохого настроения, – вступилась Рен. – У женщин они иногда бывают.

– Извини, – сказал Крозье и обнял ее за плечи.

Четверо Сыновей Коростеля отделились от толпы и пошли за Американской Лисицей, раскачивая синими членами. В руках у них снова были цветы – видно, успели набрать где-то по дороге. Они запели.

– Нет! – резко крикнула Тоби, словно отдавая команду собакам. – Стойте здесь! С Джимми-Снежнычеловеком!

Как им объяснить, что они не могут наваливаться кучей на любую молодую женщину не из их племени, которая кажется им готовой к спариванию, – что икебаны, серенады и размахивание членами тут не помогут? Но мужчины уже исчезли за углом дома.

Двое Детей Коростеля, которые несли Джимми, опустили его на землю. Он обмяк, привалившись к их коленям.

– Где будет Джимми-Снежнычеловек? – спросили они. – Где мы можем помурлыкать над ним?

– Ему нужна отдельная комната, – сказала Тоби. – Мы найдем ему кровать, а потом я принесу лекарство.

– Мы пойдем с тобой. Мы будем мурлыкать.

Дети Коростеля снова подобрали Джимми, сделав стульчик из рук. Остальные столпились кругом.

– Не все сразу, – сказала Тоби. – Ему нужно, чтобы было тихо.

– Он может занять комнату Кроза, – сказала Рен. – Правда, Кроз?

– Кто это? – спросил Крозье, разглядывая Джимми. Джимми свесил голову набок, пуская слюни себе в бороду, и самозабвенно чесался чудовищно грязной пятерней сквозь розовую ткань накидки. От него отчетливо разило. – Где вы его откопали? Почему он в розовом? Какая-то балерина, бля.

– Это Джимми. Помнишь, я тебе рассказывала? Мой когда-тошний бойфренд?

– Который испортил тебе жизнь? Еще в школе? Этот педофил?

– Не надо так, – заступилась Рен. – Я же не была ребенком. У него жар.

– Не уходи, не уходи! Вернись на дерево! – пробормотал Джимми.

– И ты еще за него заступаешься? После того как он тебя бросил?

– Да, это правда, но теперь он вроде как герой. Он помог спасти Аманду, ты знаешь, и чуть не погиб.

– Аманда! Я ее не вижу. Где она?

– Вон там, – Рен показала на кучку Дочерей Коростеля, окруживших Аманду – они гладили ее и тихо мурлыкали. Они расступились, чтобы пропустить Рен.

– Это Аманда? – уточнил Крозье. – Черт! Она похожа на...

– Не надо так говорить, – Рен обняла Аманду. – Завтра она будет выглядеть гораздо лучше. Через неделю уж точно.

Аманда заплакала.

– Ее нет, – пробормотал Джимми. – Она улетела. Свиноиды.

– Бр-р-р. Жуть какая, – сказал Крозье.

– Кроз, кругом вообще сплошная жуть.

– А, ну ладно, извини. Моя вахта почти кончилась. Давай мы с тобой...

– Я думаю, что должна помочь Тоби, – сказала Рен. – Во всяком случае, сейчас.

– Похоже, мне придется спать на земле, раз этот дебил занял мою кровать.

– Кроз, ну когда ты уже повзрослеешь?

«Только этого нам не хватало, – подумала Тоби. – Размолвки юных влюбленных».

Джимми внесли в отсек Кроза и положили на кровать. Тоби принесла с кухни фонарики и попросила Рен и двух Дочерей Коростеля их держать. Потом отыскала свою аптечку на полке, куда положила ее перед уходом на поиски Аманды.

Она сделала для Джимми все, что могла: обмыла его губкой, чтобы убрать основную грязь; помазала медом неглубокие порезы; дала выпить грибного эликсира, чтобы помочь организму бороться с инфекцией. Потом Ива и Мак – от боли и для сна, восстанавливающего силы. И маленькие серые опарыши на рану в ногу – чтобы сглотали гниющую плоть. Судя по запаху раны, для опарышей было самое время.

– Что это такое? – спросила одна из Дочерей Коростеля, та, что повыше. – Зачем ты кладешь этих маленьких животных на Джимми-Снежнычеловека? Они его едят?

– Щекотно, – произнес Джимми. Глаза у него полужакрылись – Мак действовал.

– Их послала Орикс, – ответила Тоби. Похоже, это был удачный ответ, потому что женщины заулыбались. – Они называются опарыши. Они едят его боль.

– А какая на вкус боль, о Тоби?

– А нам тоже надо есть боль?

– Если мы съедим боль, это поможет Джимми-Снежнычеловеку?

– Боль очень плохо пахнет. А вкус у нее хороший?

Надо избегать метафор.

– Боль хороша на вкус только для опарышей. Нет, вам не надо есть боль.

– Он поправится? – спросила Рен. – У него не гангрена?

– Надеюсь, что нет, – сказала Тоби. Дочери Коростеля положили ладони на Джимми и принялись мурлыкать.

– Падает, – пробормотал Джимми. – Бабочка. Ее больше нет.

Рен склонилась над ним, отвела волосы со лба.

– Спи, Джимми. Мы тебя любим.

Саманный дом

Утро

Тоби снится, что она лежит в узкой детской кровати, у себя дома. На подушке рядом с ней плюшевые звери – лев и косматый медведь, у которого в животе играет песенка. На письменном столе – древняя свинья-копилка, планшет, на котором Тоби делает уроки, фломастеры и мобильник в чехле с рисунком из ромашек. Из кухни доносится голос матери – она что-то говорит отцу, и голос отца, который ей отвечает. И запах жарящейся яичницы.

Во сне внутри сна Тоби снятся животные. Свинья, но с шестью ногами. Другое животное похоже на кошку, но глаза у него фасеточные, как у мухи. И медведь, но с копытами. Животные не дружелюбны, но и не враждебны. В городе снаружи начинается пожар, Тоби чувствует запах гари. Воздух наполняется страхом. «Где он, где он...» – произносит голос, словно колокол звонит. Животные по очереди подходят к ней и лижут ее теплыми, шершавыми языками.

На грани дремы и яви Тоби цепляется за уходящий сон: горящий город и вестники, посланные ее предупредить. О том, что мир полностью переменился; о том, что все привычное давно умерло; и все, что она когда-то любила, унесено потоком.

Как говаривал Адам Первый: «Рок Содома стремительно приближается. Не поддавайтесь жалости. Избегайте судьбы соляного столпа. Не оглядывайтесь».

Она просыпается и обнаруживает, что ее ногу лижет париковца, рыжая. Длинные человеческие волосы заплетены в косички, и на каждой бантик – видно, среди Беззумных Аддамов нашлась сентиментальная душа. Овца как-то выбралась из загона, где их держат.

– Пошла вон. – Тоби незло отпихивает овцу ногой. Та дарит ей взгляд, полный безмозглого упрека, – париковцы не слишком умны – и, цокая копытами, выходит в дверной проем. «Нам вообще-то не помешали бы двери», – думает Тоби.

Утренний свет просачивается через кусок тряпки, которым завешено окно в тщетной попытке уберечься от комаров. Вот если бы найти где-нибудь сетку! Но сперва придется установить оконные рамы – саманный дом вообще не приспособлен для жизни, это парковое здание, которое раньше использовалось для праздников под открытым небом и ярмарок. А сейчас они живут в нем, потому что тут безопасно. Дом находится вдали от городской разрухи – пустынных улиц, случайных пожаров от закоротившей проводки и потоков от зарытых под землю рек, которые уже переполняют свои русла, потому что все насосы отказали. На саманный дом не свалится рухнувшее высотное здание, а поскольку сам дом всего в один этаж высотой, он не обрушится внутрь себя.

Тоби выпутывается из простыни, влажной от утренней росы, и вытягивает руки, пробуя, нет ли растяжений и хорошо ли гнутся суставы. Она совершенно измотана – до такой степени, что ей даже не хочется вставать. Слишком устала, слишком разочарована и сердита на себя из-за вчерашней неудачи у ночного костра. Что она скажет Зебу, когда он вернется? Если, конечно, он вернется. Он изобретателен, но все же уязвим.

Остается только надеяться, что вылазка Зеба будет более успешной, чем экспедиция самой Тоби. Очень возможно, что часть вертоградарей выжила: если кто и смог пережить пандемию, убившую почти всех, это именно они. Все годы, пока Тоби жила с вертоградарями – сперва гостьей, потом подмастерьем, потом Евой, носительницей власти, – они готовились к этой катастрофе. Они строили тайные убежища и создавали там запасы провизии: мед, сушеные грибы и соевые бобы, шиповник, бузинный взвар, разные домашние закатки. Семена – посеять в новом, очищенном от скверны мире, который, как они верили, грядет.

Может быть, вертоградари пересидели чуму в одном из этих убежищ – Араратов, которые, как они надеялись, будут безопасным укрытием на время того, что они называли Безводным Потопом. После случая с Ноем Бог обещал, что больше не будет заливать Землю водой, но, учитывая греховность мира, что-то Ему непременно придется сделать – такова была цепочка их рассуждений. Но где же Зеб будет их искать в развалинах города? Откуда хотя бы начинать?

«Представь воочию свое самое сильное желание, и оно воплотится», – говорили вертоградари. Но это не всегда срабатывает, а иногда срабатывает не совсем так, как ожидалось. Самое сильное желание Тоби – чтобы Зеб вернулся целым и невредимым, но если он вернется, она вынуждена будет считаться с тем, что она для него нейтральна. Никаких эмоций, ничего сексуального. Никаких рюшечек. Доверенный товарищ, надежный соратник. Старая добрая Тоби, на нее всегда можно положиться. И всё.

И ей придется рассказать ему о своей неудаче. «Я повела себя как идиотка. Был праздник святой Юлианы, и у меня не поднялась рука их убить. Они убежали. И забрали распылитель». Она не будет нюнить, не будет плакать, не будет искать себе оправданий. Зеб не станет ее долго ругать, но разочаруется в ней.

Тоби словно услышала Адама Первого. «Не будь чересчур сурова к себе, – говорил он, сияя терпеливыми голубыми глазами. – Мы все ошибаемся». «Верно, – ответила ему Тоби через годы, – но некоторые ошибки смертельнее других». Если Зеба убьет кто-то из больболистов, то виновата в этом будет она. Дура, дура, дура. Ее тянет побиться головой о стену саманного дома.

Остается лишь надеяться, что больболисты достаточно напуганы и убегут подальше. Но что если они вернуться? Им понадобится еда. Они могут найти некое подобие еды в брошенных домах и магазинах – то, что не заплесневело, не съедено крысами и не разграблено за истекшие месяцы. Они могут даже подстрелить какое-нибудь животное – скукота, зеленого кролика, львагнца, – но потом у них кончатся батареи для пистолетов-распылителей, и им понадобятся новые.

Они знают, что у Безумных Адамов в саманном доме батареи есть. Рано или поздно они решат атаковать и выберут самое уязвимое место: схватят ребенка из Детей Коростеля и предложат меняться, как раньше предлагали меняться на Аманду. Они потребуют пистолеты-распылители и батареи к ним, и еще парочку молодых женщин в придачу – Рен, или Голубянку, или Белую Осоку, или Американскую Лисицу. Не Аманду – ее они уже списали со счетов. Или женщину из Детей Коростеля в течке – почему бы нет? Для них это будет новинка – женщина с ярко-синим пахом; собеседники из Детей Коростеля так себе, но на это больболистам наплевать. И ружье Тоби они тоже потребуют.

Дети Коростеля решат, что это всего лишь просьба поделиться. «Им нужна ваша палка? Они будут ей рады? Почему ты не хочешь дать им палку, о Тоби?» Как объяснить, что нельзя давать убийцам оружие убийства? Детям Коростеля недоступно само понятие убийства – они так доверчивы. Они даже не представляют, что их можно изнасиловать («Что такое изнасиловать?»), или перерезать им горло («О Тоби, зачем?»), или выпотрошить их и съесть их почки («Но ведь Орикс этого не допустит!»).

А если бы Дети Коростеля тогда не развязали узлы? Что собиралась делать Тоби? Отконвоировать больболистов назад в саманный дом и держать взаперти, пока не вернется Зеб, чтобы взять дело в свои руки и выполнить необходимую операцию?

Он бы устроил нечто вроде разбирательства для вида. Потом – двойное повешение. А может, пропустил бы формальности и попросту треснул обоих лопатой по голове, приговаривая: «К чему зря тратить веревку?» Конечный результат был бы тот же, как если бы Тоби прикончила обоих на месте, прямо тогда, у костра.

Ну, хватит пережевывать неприятности. Уже утро. Хватит грезить о том, как Зеб решительно берет на себя роль лидера и делает за Тоби ее работу. Нужно встать, выйти на улицу, присоединиться к остальным. Исправить неисправимое, починить то, что починить нельзя, пристрелить кого надо. Удерживать крепость.

Завтрак

Тоби спускает ноги с кровати, ставит их на пол, встает. Мышцы болят, кожа – как наждачная бумага, но когда встанешь, это уже меньше чувствуется.

Она выбирает из нескольких простыней, лежащих у нее на полке, одну – сиреневую, в синюю крапинку. В каждом отсеке целая стопка этих простыней, как когда-то полотенце в отелях. Розовая накидка Тоби из салона «НоваТы» вся в лохмотьях и, вероятно, заражена тем, что перешло на нее от Джимми; надо будет ее сжечь. Когда руки дойдут, Тоби сошьет несколько простыней вместе, сделает дырки для рук и что-нибудь вроде капюшона от солнца. Но пока что она драпируется в сиреневую простыню, наподобие тоги.

Простыней им хватает. Безумные Аддамы восторгли большой запас из разрушенных городских зданий. Еще у них есть штаны и рубахи для тяжелой работы. Но в простынях прохладней, и они безразмерные, поэтому Безумные Аддамы предпочитают именно их. Когда простыни кончатся, надо будет придумать что-нибудь другое, но запаса хватит еще на много лет. Может, они и сами столько не проживут.

Ей нужно зеркало. Без зеркала никак не понять, насколько она страшная. Может, получится добавить зеркала в следующий список для восторгания. И зубные щетки тоже.

Тоби взваливает на плечо рюкзак с целебными припасами: опарыши, мед, грибной эликсир, Ива и Мак. Первым делом надо обиходить Джимми – если он еще жив, конечно. Но только после завтрака: на пустой желудок Тоби не вынесет наступающего дня и тем более – неизбежных манипуляций с гноящейся ногой Джимми. Тоби берет ружье и делает шаг наружу, в палящий утренний свет.

Еще рано, но солнце уже раскалено добела. Тоби накидывает на голову край простыни для защиты от солнечных лучей и оглядывает двор саманного дома. Рыжеволосая париковца все еще на свободе – сейчас она, жуя листья кудзу, разглядывает сквозь забор овощи на огородных грядках. Ее подружки что-то блеют ей из загона: серебряные, голубые, зеленые и розовые париковцы, брюнетки и блондинки, полный спектр. «Не парик, а париковца! Живые, натуральные волосы!» – так говорилось в давнишней рекламе, когда париковец только что вывели.

У Тоби сейчас волосы тоже от париковцы – от рождения она не была брюнеткой. Может, потому овца и пришла полизать ей ногу. Не из-за соли, а потому, что учуяла слабый запах ланолина, овечьего воска. Приняла Тоби за родственницу.

«Главное, – думает Тоби, – чтобы какой-нибудь баран не начал меня вожделеть». Надо последить за собой, чтобы нечаянно не впасть в овечью кротость. Ребекка, наверное, уже встала и разбирается с завтраком в кухне-сарая; может, у нее в закромах найдется шампунь с цветочным запахом.

Чуть поодаль, у огорода, в тени сидят Рен и Голубянка. Они поглощены разговором. С ними сидит Аманда и смотрит куда-то вдаль. Вертоградари сказали бы, что она под паром. Этот термин служил у них обозначением весьма разнообразного набора состояний, от депрессии и посттравматического шока до непрерывного наркотического кайфа. Вертоградари считали, что человек «под паром» собирает и накапливает силу, подпитываясь через медитацию: выпускает во вселенную невидимые корешки. Тоби очень надеется, что именно это сейчас происходит с Амандой. В давние времена, когда Тоби преподавала в школе вертоградарей, в саду на крыше «Райский утес», Аманда была таким живым ребенком. Когда же это было? Десять, пятнадцать лет назад? Удивительно, как быстро прошлое превращается в идиллию.

Белоклювый Дятел, Дюгонь и Майна укрепляют периметр. При дневном свете он кажется хрупким, сквозящим. Каркасом служит старая чугунная ограда – решетка с орна-

ментом, к которой приделаны куски самого разного материала: проволочной сетки, переплетенной изолентой, разнокалиберных шестов, и ряд заостренных кольев, тупые концы которых зарыты в землю, а острые смотрят наружу. Дюгонь добавляет новые кольца; Белоклювый Дятел и Майна по другую сторону забора орудуют лопатами. Вроде бы закапывают какую-то яму.

– Доброе утро, – говорит Тоби.

– Глянь-ка сюда, – отвечает Дюгонь. – Кто-то пытался прорыть ход. Вчера ночью. Часовые не видели – они отгоняли свиней от фасадной стороны забора.

– Следы есть? – спрашивает Тоби.

– Мы думаем, что это все те же свиньи, – говорит Майна. – Они умные – отвлекают внимание, а сами устраивают подкоп. В любом случае им это не удалось.

За периметром стоят полукругом Сыновья Коростеля – на равном расстоянии друг от друга, лицом наружу, – и синхронно мочатся. Мужчина в полосатой простыне, похожий на Кроза, – точнее, это и есть Кроз – стоит вместе с ними, принимая участие в групповом пописе.

Что дальше? Кроз намерен отуземиться? Сбросить одежду, пристраститься к пению *a капелла*, отрастить огромный член, который в определенные дни становится синим? Если бы за первые два пункта можно было получить третий, Кроз ни на секунду не задумался бы. И очень скоро все до единого холостяки из Беззумных Адамов тоже захотят себе такой. А там, не успеешь и глазом моргнуть, начнется соперничество, разразятся войны – с дубинками, палками и камнями, а потом...

«Возьми себя в руки, – командует себе Тоби. – Не придумывай ненужных забот. Тебе жизненно нужно выпить кофе. Какого угодно. Из корней одуванчика. Благочашку. Разболтанной черной грязи, если больше ничего нету».

И если бы у них был алкоголь, она бы и от него не отказалась.

Рядом с сараем-кухней поставлен длинный стол, как в столовой. Сверху натянут тент, видимо, восторгнутый на чьем-то заднем дворе, – для тени. Все задние дворы жилых домов сейчас уже пришли в запустение, бассейны потрескались и высохли или, наоборот, затаились тиной, и в разбитые окна кухонь вползают, как разведчики, первые плети зеленых лиан. Внутри домов, по углам, крысы построили себе гнезда из клочков ковра, и в гнездах пищат и шевелятся лысые розовые крысята. В балках бурят ходы термиты. В лестничных пролетах летучие мыши охотятся на мотыльков.

– Стоит корням заползти внутрь и хорошенько укрепиться, и ни у одной постройки человека не будет ни единого шанса, – так любил говорить Адам Первый, обращаясь к руководящему ядру вертоградарей. – Корням хватит года, чтобы разодрать мощеную дорогу. Они забьют дождевые водостоки, и как только откажут насосы, фундаменты просто размочит, и никакая сила на Земле не сможет остановить всю эту воду. А потом, когда на электростанциях начнутся пожары и короткие замыкания, не говоря уже о ядерных...

– Тогда не видать нам больше жареных тостов по утрам, – однажды закончил эту литанию Зеб. Он как раз только что вернулся с очередного таинственного курьерского задания; вид у него был потрепанный, черная искожана куртка порвана. Один из предметов, которые Зеб преподавал детям вертоградарей в школе, назывался «Предотвращение кровопролития в городе», но Зеб не всегда следовал собственным урокам. – Да, да, я знаю, мы все умрем. Пирога с бузиной случайно не осталось? Очень кушать хочется.

Зеб не всегда проявлял должное почтение к Адаму Первому.

Попытки предугадать, что станет с миром, когда он выйдет из-под контроля человека, когда-то – давно и недолго – были популярной, хоть и жутковатой, формой общественного досуга. Были даже передачи интернет-ТВ на эту тему: сгенерированные на компьютере пейзажи с оленями, пасущимися на Таймс-сквер, назидательное качание пальцем, рассуждения

на тему «так-нам-и-надо» и лекции серьезных экспертов о многочисленных ошибках человеческого рода.

Но, судя по рейтингам, зрители быстро пресытились этой темой – показатели взмыли вверх и резко упали; аудитория «голосовала пальцами», переключаясь с неминуемой гибели человечества на прямую трансляцию соревнований по пожиранию сосисок (для зрителей, склонных к ностальгии), или на комедии про миленьких задорных школьниц-подружек (для любителей мягкой игрушки), или на гладиаторские бои в жанре «попурри из боевых искусств» (для любителей поглазеть на откусанные уши), или на передачу «Покойной ночи» (самоубийства в прямом эфире), или на «Аппетитных голопопок» (детская порнография), или на «Обезглав» (казни в прямом эфире – для тех, кто по-настоящему обозлен жизнью). Все это было гораздо привлекательней, чем истина.

– Ты же знаешь, что я превыше всего стремлюсь к истине, – сказал тогда Адам Первый скорбным тоном, каким он иногда разговаривал с Зебом. Причем только с ним.

– Да-да, знаю, – ответил Зеб. – Ищите и обрящете... в конце концов. И ты обрел. Ты прав, я с этим не спорю. Извини. Я просто жую с полной головой. И у меня иногда вылетает изо рта.

И все это означало: «Я такой, как есть. И ты это знаешь. Так что терпи».

«Если б только Зеб был здесь!» – думает Тоби. Она представляет себе, как его накрывает лавиной осколков стекла и цемента, когда рушится очередной небоскреб. Или как он с воплем падает в разверзшуюся пропасть, размытую подземной рекой, уже неподвластной насосам и трубам. Или как он беспечно мурлычет какой-то напев, а за спиной у него появляется лицо, рука с ножом, с камнем...

Пожалуй, утром еще рановато думать про такое. И бесполезно. Тоби силится перестать.

Вокруг стола собрана коллекция разномастных стульев – кухонных, пластиковых, с мягкими сиденьями, крутящихся. На скатерти – с узором из розовых бутонов и синих птиц – стоят тарелки, стаканы и чашки, лежат вилки и ножи. Некоторые приборы грязные – кто-то уже позавтракал. Все вместе похоже на сюрреалистическую живопись двадцатого века – каждый предмет сверхплотен, четок, с жесткими гранями, и каждый выглядит чудовищно неуместным.

Хотя почему, собственно? Почему бы этим тарелкам и стаканам не быть здесь? Когда умерли люди, материальный мир остался невредим. Когда-то людей было слишком много, а вещей на всех не хватало; теперь – наоборот. Но вещи сорвались с поводка – у тебя, у меня, у нее, у него – и отправились бродить по свету. Как после тех беспорядков в начале двадцать первого века – их часто показывают в документальных фильмах: подростки координировались по мобильным телефонам, а потом налетали на магазины, разбивали окна, вваливались туда всей толпой и хватали что под руку подвернется. Что унесешь – все твое.

Так и сейчас, думает Тоби. Мы заявили свои права на эти стулья, чашки, стаканы и притащили их сюда. Теперь, когда история прекратила свое течение, мы живем в роскоши – по крайней мере, в том, что касается имущества.

Тарелки, судя по виду, антикварные – во всяком случае, дорогие. Но сейчас Тоби могла бы перебить весь сервиз, и всем будет плевать – кроме нее самой.

Из кухонной сараюшки выходит Ребекка с блюдом в руках.

– Миленькая! – восклицает она. – Ты вернулась! И мне сказали, что ты и Аманду нашла! Пять звезд!

– Она не в лучшей форме, – отвечает Тоби. – Эти два больболиста ее чуть не убили, а потом, вчера ночью... По-моему, она в шоке. Под паром.

Ребекка – из старых вертоградарей, это выражение ей знакомо.

– Она крепкая, – говорит Ребекка. – Выправится.

– Может быть. Будем надеяться, что они ее ничем не заразили и что обошлось без внутренних повреждений. Надо думать, ты слышала и то, что больболисты убежали. И пистолет-распылитель прихватили. Опозорилась я по полной...

– Ну, что-то теряешь, что-то находишь. Но я так рада, что ты жива – просто сказать не могу! Я думала, эти два говнюка тебя непременно убьют, и Рен тоже. Я просто болела от беспокойства. Но ты вернулась! Хотя надо сказать, видок у тебя тот еще.

– Спасибо. Красивый сервис.

– Налегай, миленькая. Свинина в трех видах: бекон, ветчина и отбивные.

«Немного же времени им понадобилось, чтобы забыть о вегетарианском обете вертоградарей», – думает Тоби. Даже Ребекка с ее негрейскими корнями не воротит нос от свинины.

– Корни лопуха. Зелень одуванчика. Дополнительное блюдо – собачьи ребрышки. Если я и дальше буду поглощать животный белок в таких объемах, то стану еще толще.

– Ты не толстая, – возражает Тоби. Хотя Ребекка всегда была плотного сложения, даже в стародавние времена, когда они обе стояли за прилавком в «Секрет-бургере», еще до ухода к вертоградарям.

– Я тебя тоже люблю. Ладно, пускай я не толстая. Эти стаканы – настоящий хрусталь, одно удовольствие. Когда-то кучу денег стоили. Помнишь, у вертоградарей Адам Первый говорил, что тщеславие убивает? Так что в те времена у нас был выбор – глиняная посуда или смерть. Хотя я предвижу день, когда мы совсем наплюем на посуду и будем есть руками.

– Даже в самой чистой жизни, полностью устремленной к высокой цели, есть место для простой элегантности. Как учил тот же Адам Первый.

– Да, но иногда это место – в мусорном ведре, – парирует Ребекка. – У меня целая куча льняных салфеток, чтобы на коленях расстилать, и я не могу их погладить, потому что у нас нет утюга, и меня это ужасно бесит!

Она садится и кладет кусок мяса себе на тарелку.

– Я тоже очень рада, что ты не погибла, – говорит Тоби. – А кофе у нас есть?

– Да, если ты сможешь закрыть глаза на горелые щепки, корни и прочую дрянь. Он без кофеина, но я рассчитываю на эффект плацебо. Я вижу, ты вчера привела с собой целую толпу. Эти... как их вообще называть?

– Это люди, – во всяком случае, я думаю, что они люди, добавляет Тоби про себя. – Дети Коростеля. Так их называет шайка Беззумных Аддамов, а кому и знать, как не им.

– На нас они уж точно не похожи. Даже близко не лежали. Ох уж этот засранец Коростель! Кто знал, что он такой мастер нагадить в песочницу.

– Они хотят быть рядом с Джимми, – говорит Тоби. – Они принесли его сюда на руках.

– Да, я слышала. Майна мне рассказала. Ну вот и пускай теперь возвращаются в... где они там живут.

– Они говорят, что должны над ним мурлыкать. Над Джимми.

– Пардон? Что они должны над ним делать? – Ребекка слегка фыркает от смеха. – Это что, тоже такой сексуальный выверт?

Тоби вздыхает.

– Трудно объяснить. Это надо видеть.

Гамак

После завтрака Тоби идет посмотреть на Джимми. Он лежит в самодельном гамаке из веревок и изолянта, подвешенном меж двумя деревьями. Ноги прикрыты детским одеяльцем с веселенькими рисунками – кошки со скрипками, хохочущие щенки, тарелки с человеческими лицами водят хоровод с ухмыляющимися чайниками, коровы с колокольчиками на шее прыгают через луну, которая похабно пялится на их вымя². Для человека с галлюцинациями – самое оно, думает Тоби.

Трое Детей Коростеля – две женщины и мужчина – сидят у гамака Джимми на стульях, явно взятых из столового гарнитура: темное дерево, старомодные лиры на спинках, мягкие сиденья обтянуты глянцевым желто-коричневым полосатым атласом. Дети Коростеля на этих стульях смотрятся неуместно, но видно, что они довольны собой – словно для них это маленькое, но приключение. Их тела блестят, как лайкра с золотой нитью; огромные розовые мотыльки кудзу живыми нимбами порхают у них вокруг голов.

Они сверхъестественно красивы, думает Тоби. Мы, наверное, кажемся им недолюдьми: с болтающейся второй кожей, стареющими лицами, уродливыми телами – слишком худыми, слишком толстыми, волосатыми и шишковатыми. Совершенство не проходит даром, но платить за него приходится несовершенным существам.

Каждый из Детей Коростеля сидит, положив одну ладонь на тело Джимми. Они мурлычат; Тоби подходит, и мурлыканье становится громче.

– Приветствуем тебя, о Тоби, – говорит женщина, которая повыше ростом. Откуда они знают ее имя? Наверное, вчера все-таки прислушивались к разговорам. А как ответить? Как их зовут, и вежливо ли спросить об этом?

– Приветствую вас. Как сегодня чувствует себя Джимми-Снежнычеловек?

– Он немного окреп, о Тоби, – отвечает женщина, которая пониже ростом. Другие двое улыбаются.

Джимми и вправду выглядит лучше. Он чуточку порозовел, не такой горячий на ощупь и крепко спит. Дети Коростеля привели его в порядок: расчесали волосы, вытащили мусор из бороды. На голове у него выдавшая виды красная бейсбольная кепка, на руке – круглые часы с пустым циферблатом. На носу криво сидят солнечные очки без одного стекла.

– Может быть, ему будет удобнее без этих вещей? – говорит Тоби, указывая на кепку и очки.

– Эти вещи должны быть у него, – отвечает мужчина. – Это вещи Джимми-Снежнычеловека.

– Они ему нужны, – говорит женщина пониже ростом. – Коростель говорит, что эти вещи должны быть у Джимми-Снежнычеловека. Видишь, вот эта вещь – для того чтобы слышать Коростеля.

Она поднимает руку Джимми с часами.

– А эта вещь помогает ему видеть Коростеля, – мужчина указывает на солнечные очки. – Только ему.

Тоби хочет спросить о назначении кепки, но сдерживается.

– А зачем вы вынесли его наружу? – спрашивает она.

– Ему не нравилось в том темном месте. Там, – мужчина показывает на дом.

---

² Рисунки на одеяле Джимми иллюстрируют известную английскую народную детскую песенку: Эй, кошка со скрипкой, Пляши, да не шибко! Щенок на березе заржал, Корова подпрыгнула выше луны, И чайник с тарелкой сбежал. (Перевод Г. Кружкова)

– Здесь Джимми-Снежнычеловеку удобнее путешествовать, – говорит женщина повыше.

– Он путешествует? – переспрашивает Тоби. – Во сне?

Может быть, они имеют в виду сон, который, по их мнению, снится Джимми?

– Да, – отвечает мужчина. – Он путешествует сюда.

– Он бежит – иногда быстро, иногда медленно. Иногда идет, потому что он устал. Иногда Свиные его преследуют, потому что им не хватает понимания. Иногда он залезает на дерево, – говорит женщина пониже.

– Когда он доберется сюда, то проснется, – говорит мужчина.

– А где он был, когда начал путешествовать? – осторожно спрашивает Тоби. Она не хочет, чтобы ее вопрос показался неверием.

– Он был в Яйце, – говорит женщина повыше. – Там, где в самом начале были мы. Он был с Коростелем и с Орикс. Они спустились с неба, чтобы встретиться с Джимми-Снежнычеловеком в Яйце и рассказать ему новые истории, чтобы он потом рассказал их нам.

– Да, вот откуда берутся истории, – говорит мужчина. – Но сейчас в Яйце стало слишком темно. Орикс и Коростель все равно могут там быть, а Джимми-Снежнычеловек больше не может.

Все трое тепло улыбаются Тоби, словно уверены, что она поняла каждое слово из этого рассказа.

– Можно я посмотрю на ногу Джимми-Снежнычеловека? – вежливо спрашивает она. Они не возражают, но не убирают ладоней с его тела и продолжают мурлыкать.

Тоби смотрит, как поживают опарыши под тканью, которой она вчера обмотала ступню Джимми. Они трудятся вовсю, счищая мертвую плоть: опухоль спадает, и выделений из раны стало меньше. Эти опарыши уже почти созрели; завтра надо взять подтухшего мяса, положить где-нибудь на солнце, приманить мух, чтобы вывести свежих опарышей.

– Джимми-Снежнычеловек подходит ближе, – говорит низенькая женщина. – Когда он придет, он расскажет нам истории Коростеля, как он всегда делал, когда жил у себя на дереве. Но сегодня рассказывать будешь ты.

– Я? – переспрашивает Тоби. – Но я не знаю историй Коростеля!

– Ты их узнаешь, – говорит мужчина. – Это случится. Потому что Джимми-Снежнычеловек – помощник Коростеля, а ты – помощник Джимми-Снежнычеловека. Вот почему.

– Ты должна надеть эту красную вещь, – говорит низенькая женщина. – Она называется «кепка».

– Да, «кепка», – подтверждает высокая женщина. – Вечером, когда настанет время мотыльков. Ты наденешь эту кепку Джимми-Снежнычеловека себе на голову, а эту круглую блестящую вещь наденешь себе на руку и слушаешь ее.

– Да, – кивает другая женщина. – И тогда слова Коростеля начнут выходить у тебя изо рта. Так всегда делает Джимми-Снежнычеловек.

– Видишь? – мужчина показывает на буквы, украшающие бейсболку: «Ред Сокс». – Эту вещь сотворил Коростель. Он тебе поможет. Орикс тоже тебе поможет, если в истории есть животные.

– Когда начнет темнеть, мы принесем рыбу. Джимми-Снежнычеловек всегда сначала съедает рыбу, так велел ему Коростель. Потом ты наденешь кепку, и слушаешь эту вещь Коростеля, и расскажешь нам истории Коростеля.

– Да, как Коростель сотворил нас в Яйце и убрал хаос плохих людей. Как мы вышли из Яйца и пришли сюда с Джимми-Снежнычеловеком, потому что здесь больше листьев, которые мы можем есть.

– Ты съешь рыбу и расскажешь нам истории Коростеля, так всегда делал Джимми-Снежнычеловек, – говорит женщина, которая пониже ростом. Все трое смотрят на Тоби жут-

коватыми зелеными глазами и ободряюще улыбаются. Они, кажется, не сомневаются в ее способностях.

«Какой у меня выбор? – думает Тоби. – Я не могу сказать «нет». Они будут разочарованы и уйдут сами по себе, обратно на берег, и там на них могут напасть больболисты. Для больболистов они – легкая добыча, особенно дети. Разве я могу допустить, чтобы это случилось?»

– Ну хорошо, – говорит она. – Я приду вечером. Я надену кепку Джимми, то есть я хотела сказать, Джимми-Снежнычеловека, и расскажу вам истории Коростеля.

– И еще ты слушаешь блестящую вещь, – добавляет мужчина. – И съешь рыбу.

Похоже, это устоявшийся ритуал.

– Да, я все это сделаю, – говорит Тоби.

«Черт, – думает она. – Надеюсь, они эту рыбу хоть приготовят».

История

Когда Ребекка собирала посуду после завтрака, ей почудилось, что в листве мелькнуло мрачное лицо с резкими чертами. Но Тоби решила, что тревога ложная – никаких больбо-листов поблизости не обнаружилось, и, что еще лучше, в Ребекке не появились дыры от пистолета-распылителя и ни одного ребенка из Детей Коростеля не утащили, вопящего, в кусты. Но все равно все напряжены.

Тоби просит матерей из числа Детей Коростеля передвинуться поближе к саманному дому. Они удивленно смотрят на нее, и она сообщает, что так велела Орикс.

День идет дальше без происшествий. Никто из путешественников не возвращается – ни Шеклтон, ни Черный Носорог, ни Катуро. Ни Зеб. Тоби проводит остаток утра в огороде за вскапыванием и прополкой; это занятие не загружает ум, успокаивает и помогает заполнить время. На одной грядке проклюнулся кургорох, на других уже лезут из земли шпинатные листья и перистая ботва морковки. Ружье Тоби держит под рукой.

Крозье и Колибри выгоняют париковец из ограды, на пастбище. У обоих пистолеты-распылители: в случае стычки с больболистами у них будет преимущество, два пистолета против одного. Если только их не застанут врасплох. Тоби надеется, что они не забудут посмотреть наверх, если поблизости окажутся деревья. Скорее всего, именно так больболисты захватили Аманду и Рен – прыгнули сверху, с дерева.

«Почему война так похожа на дурацкие детские розыгрыши? – думает Тоби. – Прячутся за кустами, выскакивают и кричат «Бууу!». Или делают «бубух». Разницы практически никакой, если не считать крови. Проигравший падает с криком, раскинув руки и соорудив глупое лицо с разинутым ртом. Все эти древние библейские цари, что ставили ноги на шею побежденных, вешали царей-соперников на деревьях, приказывали сложить кучу отрубленных голов – в этом есть что-то от чистой детской радости.

Может, именно это сподвигло Коростеля. Может быть, он хотел с этим покончить. Начисто удалить из нас эту часть: ухмыляющуюся первобытную злобу. Начать нас с чистого листа».

Тоби ест раньше других, потому что ее назначили стоять в карауле с ружьем на время всеобщего обеда. На обед – холодная свинина и корни лопуха, и в придачу – печенье «Орео» из пакета, восторгнутого в аптечно-хозяйственно-продуктовом магазине. Редкое лакомство старательно делят на всех. Тоби вскрывает индивидуальный пакетик и сначала слизывает сладкую белую начинку, а потом съедает шоколадные половинки печенья. Греховное удовольствие.

Перед началом послеобеденной грозы пятеро Детей Коростеля вносят Джимми вместе с веселеньким одеяльцем под крышу. Тоби сидит с ним, пока идет дождь – осматривает рану и умудряется приподнять больному голову, так что он проглатывает чуть-чуть грибного эликсира, не приходя в сознание. У Тоби уже кончаются грибы, но она не знает, где найти свежий запас, чтобы сварить еще эликсира.

С ними в комнате остается только один из Детей Коростеля, чтобы мурлыкать; остальные уходят. Они не любят закрытых помещений; они скорее готовы промокнуть, чем сидеть взаперти. Как только дождь перестает, четверо Детей Коростеля возвращаются, чтобы снова отнести Джимми на воздух.

Тучи расходятся, и выглядывает солнце. Возвращаются Крозье и Колибри со стадом париковец; они говорят, что ничего не случилось – во всяком случае, ничего особенного. Овцы были какие-то дерганые; Крозье и Колибри едва удержали стадо вместе. И вороны орала как ненормальные, но разве это что-нибудь значит? Вороны всегда орут.

– Что значит «дерганые»? – спрашивает Тоби. – Как именно вели себя вороны?

Но ни Крозье, ни Колибри не могут сказать ничего определенного.

Майна, прикрыв сутулые плечи джинсовой рубашкой, а голову – холщовой шляпой, пытается подоить одну из молочных париковец. Но дойка не задалась: овца лягается и блеет и в конце концов опрокидывает ведро, и молоко разливается.

Крозье показывает Детям Коростеля, как накачивать воду колонкой: когда-то это была чисто декоративная деталь в стиле ретро, а сейчас – единственный источник питьевой воды. «Одному Богу известно, что там, в этой воде, – думает Тоби. – Это грунтовая вода, и в нее наверняка просочились все ядовитые загрязнения в радиусе многих миль отсюда». Тоби решает, что отныне будет настаивать на употреблении дождевой воды, по крайней мере для питья; хотя со всеми далекими пожарами и, не исключено, авариями на ядерных электростанциях с выбросом облаков грязи в стратосферу про дождевую воду тоже одному Богу известно.

Дети Коростеля в восторге от колонки: малыши прыгают вокруг и вопят, чтобы на них направили струю. После этого Крозье демонстрирует им единственный образец солнечной энергетики, который Беззумным Аддамам удалось наладить – солнечная батарея питает всего две лампочки, одну во дворе и одну в кухонной сараюшке. Крозье пытается объяснить, почему горит свет, но Детей Коростеля это повергает в замешательство. Для них очевидно, что лампочки устроены так же, как люмирозы, как зеленые кролики, что выходят в сумерках – они светятся, потому что так их сотворила Орикс.

Ужин проходит за длинным столом. Белая Осока в фартуке с синими птицами и Ребекка в большом сиреневом полотенце, перевязанном желтой сатиновой лентой, раскладывают всем еду и сами садятся за стол. Рен и Голубянка на дальнем конце пытаются уговорить Аманду поесть. Постепенно, закончив дневные труды, подтягиваются все Беззумные Аддамы, кроме тех, кто стоит на часах.

– Приветствую тебя, о Рогатая Камышница, – говорит Белоклювый Дятел. Ему явно доставляет удовольствие называть Тоби давней кличкой, которую она носила среди Беззумных Аддамов. Он одет в простыню с рисунком из тюльпанов, а на голове у него навечно что-то вроде тюрбана из наволочки с таким же рисунком. Угловатый нос торчит на обветренном лице, как клюв. Забавно, думает Тоби, как все Беззумные Аддамы выбрали себе в конспиративные клички названия животных, чем-то похожих на них самих.

– Как он себя чувствует? – спрашивает Дюгонь. На нем широкополая соломенная шляпа, в которой он похож на пухлого плантатора. – Наш звездный пациент.

– Он не умер, – отвечает Тоби. – Но не сказать, чтобы пришел в сознание.

– Если он в нем вообще когда-нибудь был, – замечает Белоклювый Дятел. – Мы звали его Тупиком. Это была его кличка среди Беззумных Аддамов в те незапамятные времена.

– Он был приспешником Коростеля на проекте «Пародиз», – говорит Майна. – Когда проснется, у нас будет к нему много вопросов. До того, как я забью его ногами насмерть.

Она фыркает, показывая, что это шутка.

– Вот уж истинно Тупик, – говорит Дюгонь. – Я думаю, он и понятия не имел, блин. Его разыграли вслепую.

– Разумеется, мы о нем не очень высокого мнения, если начистоту, – говорит Белоклювый Дятел. – Он участвовал в проекте по собственной воле. В отличие от нас.

Белоклювый Дятел пронзает вилкой кусок мяса.

– Милая дама, – обращается он к Белой Осоке, – вы бы не могли идентифицировать для меня эту субстанцию?

– По пьавде говоя, – у Белой Осоки британский акцент, – по пьавде говоя, нет.

– Мы были рабами, только занимались умственным трудом, а не физическим, – Дюгонь подцепляет вилкой другую отбивную. – Пленные мозги, вынужденные крутить ступальное

колесо эволюции по указке Коростеля. Он прямо-таки наслаждался своей властью – думал, что ему под силу усовершенствовать человечество. Хотя он был гений, спору нет.

– Он не один работал, – говорит худой, хрупкий Колибри. – Это была целая индустрия, которую поддерживали биотехнологические корпорации. Люди готовы были платить любые деньги за такие сплайсы. Дети по индивидуальному проекту! Можно было заказать нужную ДНК, будто начинку для пиццы выбираешь.

У Колибри на носу бифокальные очки. «Вот когда у нас кончится вся оптика, мы действительно вернемся в каменный век», – думает Тоби.

– Но у Коростеля получалось лучше всех, – подхватывает Дюгонь. – Он добавил функции, о которых никто другой даже не подумал. Например, встроенный репеллент от насекомых. Гений.

– И женщины, которые не умеют говорить «нет». Кодировка цветом для визуализации гормональных процессов: обзавидуешься, – продолжает Колибри.

– Да, чисто как набор задач для мясного компьютера все это было не лишено интереса, – говорит Белоклювый Дятел и переключается на Тоби. – Позвольте мне разъяснить.

Он вещает, как на семинаре для аспирантов, и при этом режет зелень на тарелке на маленькие аккуратные квадратики.

– Например, пищеварительная система кролика, а также позаимствованная у бабуинов платформа для определенных хроматических функций репродуктивной системы...

– Это когда они местами синеют, – услужливо переводит Колибри специально для Тоби.

– Я занималась химическим составом мочи, – говорит Майна. – Элементом отпугивания хищников. Его было сложно оттестировать в рамках проекта «Пародиз» – у нас не было никаких хищников.

– Я работал над голосовыми связками; вот это и вправду было непросто, – говорит Дюгонь.

– Зря ты не построил кнопку, чтобы отключать пение, – замечает Белоклювый Дятел. – Оно действует на нервы.

– Пение не я придумал, – обиженно отвечает Дюгонь. – Мы бы его удалили, но без него они превращались в ходячие овощи.

– У меня вопрос, – говорит Тоби. Все поворачиваются к ней, словно удивляясь, что она обладает даром речи.

– Да, милая дама? – отвечает Белоклювый Дятел.

– Они требуют, чтобы я рассказала им историю. О том, как Коростель сотворил их. Но кто такой, по их мнению, Коростель, и как именно, по их мнению, он их сотворил? Что им об этом рассказывали в куполе «Пародиз»?

– Они считают Коростеля кем-то вроде бога, – отвечает Крозье. – Но как он выглядит – они не знают.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Белоклювый Дятел. – Ты же не был с нами в «Пародизе».

– Потому что они мне сказали, блин. Я теперь их друг. Они мне даже разрешают с ними писать. Это большая честь, типа.

– Хорошо, что они не видели Коростеля и уже не увидят, – говорит Майна.

– Вот это точно, – подхватывает Американская Лисица, которая только что подошла. – Один взгляд на этого психа, и они, сто процентов, попрыгали бы с небоскреба. Вот только небоскребов больше не осталось.

Последние слова она произносит чрезвычайно мрачным тоном. Потом зевает напроказ, вытягивая руки за голову, вверх и назад, так что грудь выпирает сильнее. Соломенного цвета волосы стянуты в высокий хвост вязаной резинкой пастельно-голубого цвета. Про-

стыня Американской Лисицы украшена узором из ромашек и бабочек, а в поясе туго стянута широким красным ремнем. Эта деталь режет глаза: словно ангельское облачко разрубили мясницким топором.

– От уныния мало толку, о прекрасная дама, – говорит Белоклювый Дятел, переводя взгляд с Тоби на Американскую Лисицу. Тоби думает: «Он станет еще помпезнее, когда окончательно отрастит бороду». Сейчас борода пока в зачаточном состоянии. Он продолжает:

– *Carpe diem*. Наслаждайся моментом. Срывай цветы удовольствия, пока можешь.

Он улыбается – почти что ухмыляется – и скользит глазами по телу Американской Лисицы вниз до красного пояса. Она смотрит на него безо всякого выражения.

– Расскажите им историю со счастливым концом, – говорит Дюгонь. – Детали можно затушевать. Орикс, Коростелева подружка, чем-то таким занималась в куполе, чтобы они вели себя тихо. Я только надеюсь, что этот засранец Коростель не начнет творить чудеса из-за могилы.

– Например, такие, как превращение всего и вся в понос, – говорит Американская Лисица. – Ах, пардон, это он уже успел. Кофе у нас есть?

– Увы, милая дама, мы лишены сего напитка, – отвечает Белоклювый Дятел.

– Ребекка обещает пожарить какой-то корень, – говорит Дюгонь.

– И даже тогда у нас не будет к нему нормальных сливок, а только сопли от париковец, – говорит Американская Лисица. – От одной мысли хочется пробить себе висок ледорубом.

Уже смеркается, и запорхали мотыльки – сумеречно-розовые, сумеречно-серые, сумеречно-синие. Дети Коростеля собрались у гамака Джимми. Они хотят, чтобы именно здесь Тоби рассказала им про Коростеля и про то, как они вышли из Яйца.

Они говорят, что Джимми-Снежнычеловек тоже хочет послушать историю. Не важно, что он без сознания: они уверены, что он все равно услышит.

Они уже знают эту историю, но, похоже, для них важно, чтобы ее рассказала именно Тоби. Она должна на виду у всех Детей Коростеля съесть рыбу, которую они ей принесли: обугленную снаружи, завернутую в листья. Она должна надеть заношенную красную бейсболку Джимми и его часы без циферблата и поднести часы к уху. Она должна начать сначала, развернуть панораму Творения, вызвать дождь. Она должна очистить мир от хаоса, вывести Детей Коростеля из Яйца и благополучно доставить на побережье.

А в конце они хотят услышать про двух плохих людей, и про костер в лесу, и про суп с вонючей костью; эта кость им никак покоя не дает. Затем они вынуждают Тоби рассказать, как они сами развязали плохих людей, и как плохие люди убежали в лес, и как они могут в любой момент вернуться и опять начать делать плохие вещи. Этот эпизод печалит Детей Коростеля, но они все равно требуют, чтобы Тоби рассказывала.

Когда Тоби доходит до конца, Дети Коростеля требуют, чтобы она рассказала еще раз с самого начала. И еще раз. Они подсказывают, перебивают, вставляют пропущенное. Они добиваются безупречного исполнения. Они хотят услышать больше, чем Тоби знает, и больше, чем она способна изобрести. Она – плохая замена Джимми-Снежнычеловеку, но Дети Коростеля очень стараются поднатаскать ее.

Когда она в третий раз доходит до эпизода, в котором Коростель уничтожает хаос, все Дети Коростеля разом поворачивают головы. И принимают.

– Люди идут, о Тоби, – говорят они.

– Люди? Те два плохих человека, которые убежали? Где?

– Нет, не те, которые пахнут кровью. Другие люди. Больше двух. Мы должны их приветствовать.

Они все встают.

Тоби глядит в ту сторону, куда смотрят Дети Коростеля. Там виднеются четверо – четыре силуэта приближаются по заваленной обломками улице, граничащей с парком. На головах у них горящие фонари. Четыре темных силуэта, во лбу у каждого – яркий свет.

Тело Тоби расслабляется, как разжатый кулак, и воздух входит в легкие длинным беззвучным вздохом. Может ли сердце прыгать? Может ли голова кружиться от облегчения?

– О Тоби, ты плачешь?

Возвращение домой

Это Зеб. Ее мечта сбылась. Он крупней и косматей, чем в ее памяти, и – хотя прошло лишь несколько дней – постарел, сильнее сгорбился. Что случилось?

С ним Черный Носорог, Шеклтон и Катуро. Теперь, когда они подошли ближе, становится видно, до чего они устали. Они сбрасывают рюкзаки, и все толпятся вокруг: Ребекка, Белоклювый Дятел, Американская Лисица, Нарвал; Дюгонь, Майна, Колибри, Белая Осока; Крозье, Рен и Голубянка; даже Аманда пришла, хоть и держится в стороне от остальных.

Все говорят разом; во всяком случае, все люди. Дети Коростеля сохраняют дистанцию – они сбились в кучу и наблюдают круглыми от любопытства глазами. Рен плачет и обнимает Зеба. Это объяснимо – ведь он ее приемный отец. Когда Люцерна, сексапильная мамаша Рен, еще обитала у вертоградарей, Зеб жил с ней – и она его не ценила, думает Тоби.

– Все в порядке, – говорит Зеб, успокаивая Рен. – Гляди-ка! Вы вернули Аманду!

– Это все Тоби, – отвечает Рен. – У нее было ружье.

Тоби выжидает, потом выходит вперед.

– Отличная работа, стрелок, – говорит ей Зеб, хотя она ведь ни в кого не стреляла.

– Вы их не нашли? – спрашивает Тоби. – Адама Первого и...

Зеб дарит ее мрачным взглядом.

– Нет, Адама Первого мы не нашли. Но мы нашли Фило.

Остальные придвигаются поближе и слушают.

– Фило? – переспрашивает Американская Лисица.

– Из старых вертоградарей, – объясняет Ребекка. – Он любил... Любил духовные путешествия с видениями. Когда вертоградари разделились, он остался с Адамом Первым. Где он был?

По лицу Зеба все уже поняли, что Фило нашли мертвым.

– На верхнем этаже многоэтажной стоянки, туда слетелась куча грифов, и мы поднялись посмотреть, – говорит Шеклтон. – Возле нашей когдатошной «Велнесс-клиники».

– Это куда мы ходили в школу? – спрашивает Рен.

– Совсем свежий, – подхватывает Черный Носорог. «Это значит, – думает Тоби, – что по крайней мере часть пропавших вертоградарей пережила первую волну чумы».

– И больше никого? Остальных с ним не было? – спрашивает она. – Он от... он был болен?

– От остальных – никаких следов, – отвечает Зеб. – Я думаю, они еще где-то бродят. Адам – наверняка. Еда какая-нибудь есть? Я такой голодный, что и медведя съел бы.

Тоби понимает, что он не хочет сейчас отвечать на ее вопрос.

– Он ест медведя! – говорят друг другу Дети Коростеля. – Да! Точно как Крозье сказал! Зеб ест медведя!

Зеб кивает Детям Коростеля, которые неуверенно разглядывают его.

– Вижу, у нас гости.

– Это Зеб, – говорит Тоби Детям Коростеля. – Он наш друг.

– Мы рады, о Зеб. Приветствуем тебя.

– Это он, это он! Крозье нам про него рассказывал.

– Он ест медведя! Да. Мы рады.

Первые робкие улыбки.

– О Зеб, что такое медведь? Что такое этот медведь, которого ты ешь? Это рыба? В нем есть вонючая кость?

– Они пришли с нами, – объясняет Тоби. – С побережья. Мы не смогли их остановить, они хотели быть с Джимми. Со Снежным Человеком. Так они его называют.

– Это приятель Коростеля? – спрашивает Зеб. – Из купола «Пародиз»?

– Длинная история, – отвечает Тоби. – Тебе надо поесть.

Еще осталось мясное рагу; Дюгонь идет за ним. Дети Коростеля удаляются на безопасное расстояние – они предпочитают держаться подальше от запахов кулинарии, в которой участвует мясо. Шеклтон мгновенно сжирает свою порцию, уходит из-за стола и подсаживается к Рен, Аманде, Крозье и Голубянке. Черный Носорог съедает добавку и идет принимать душ. Катуро говорит, что поможет Ребекке разобрать их добычу: они восторгли новый запас сойдин, особо прочную изоленту, несколько упаковок сублимированных крокетов из пухлокур, горсть энергобатончиков и еще пакет «Орео». Это чудо, восклицает Ребекка. Сейчас трудно найти печенье в пакетах, не изжеванное крысами.

– Пойдем посмотрим, как там огород, – говорит Зеб, обращаясь к Тоби. У нее падает сердце: значит, новости плохие, и он хочет сказать ей с глазу на глаз.

Порхают светлячки. Цветущие лаванда и тимьян наполняют воздух ароматом. Кое-где у забора светятся люмирозы-самосевки, и несколько зеленых кроликов, тоже светящихся, щиплют их нижние листья. Огромные серые мотыльки дрейфуют по воздуху, как пепел на ветру.

– Фило умер не от чумы, – говорит Зеб. – Ему перерезали горло.

– Ох. Понятно.

– Потом мы увидели больболистов. Тех же самых, что украли Аманду. Они потрошили одну из этих здоровенных свиней. Мы стреляли в них, но они убежали. Так что мы перестали искать Адама и поскорее вернулись сюда, потому что они могут быть где угодно, в том числе поблизости.

– Это я виновата, – говорит Тоби.

– В чем?

– Мы их поймали позавчера ночью. Привязали к дереву. Но я их не убила. Была ночь святой Юлианы. У меня рука не поднялась. И они сбежали вместе с пистолетом-распылителем.

Она плачет. Это выглядит жалко – словно мышата в гнезде скулят, слепые и голые. Это не она, она не может так себя вести. Но все равно она плачет.

– Эй, – говорит Зеб. – Все будет хорошо.

– Нет, не будет.

Тоби поворачивается, чтобы уйти: раз уж она собралась распускать соплю, это нужно делать в одиночестве. Сейчас она именно одинока и всегда будет одинока. Ты же привыкла к одиночеству, говорит она себе. Будь стойком.

И тут ее обнимают.

Она так долго ждала, что уже перестала ждать. Она так жаждала этого – и отрицала, что это вообще возможно. Но до чего же легко и просто: как когда-то возвращение домой для тех, у кого был дом. Войти в дверь и оказаться в знакомом месте, которое знает тебя, открывается тебе навстречу, окутывает тебя. Рассказывает именно то, что тебе нужно было услышать. Рассказывает не только словами, но и руками, и ртом.

«Мне тебя ужасно не хватало». Кто это сказал?

Силуэт у ночного окна, блеск глаз. Стук сердца во тьме.

«Да. Наконец-то. Это ты».

«Медведелёт»

История о том, как Зеб потерялся в горах и съел медведя

И вот Коростель выплеснул хаос, чтобы сделать безопасное место, в котором вы сможете жить. И тогда...

Мы знаем историю Коростеля. Много раз знаем. Сегодня расскажи нам историю Зеба, о Тоби.

Историю про то, как Зеб съел медведя!

Да! Съел медведя! Медведя! Что такое медведь?

Мы хотим услышать историю Зеба. И медведя. Которого он съел.

Коростель хочет, чтобы мы услышали эту историю. Если бы Джимми-Снежнычеловек не спал, он бы рассказал ее.

Ну хорошо. Давайте я послушаю блестящую штуку Джимми-Снежнычеловека. Тогда я услышу слова этой истории.

Я слушаю изо всех сил. Но когда вы поете, это совсем не помогает мне слушать.

Так. Значит, вот вам история Зеба и медведя. Сначала в истории только Зеб. Он совсем один. Медведь появляется потом. Может быть, медведь придет завтра. Чтобы пришли медведи, вы должны проявить терпение.

Зеб не знал, куда идти. Он сидел под деревом. Дерево было на большом пустом куске земли, широком и плоском, как пляж, только на нем не было ни песка, ни моря, одни холодные маленькие озера и много мха. Вокруг со всех сторон стояли горы, но они были очень далеко.

Как он туда попал? Прилетел на... не важно. Эта часть относится к другой истории. Нет, он не умеет летать, как птица. Уже не умеет.

Горы? Горы – это очень большие и высокие камни. Нет, вон то – это не горы, это здания. Здания падают и делают «бабах». Горы тоже падают, только очень медленно. Нет, горы не упали на Зеба.

И вот Зеб посмотрел на эти горы, которые стояли со всех сторон, но очень далеко, и подумал: «Как же я переберусь через эти горы? Они такие большие и высокие».

Ему нужно было перебраться через горы, потому что люди были по другую сторону гор. Зеб хотел быть с людьми. Он не хотел быть совсем один. Никто не хочет быть совсем один, правда?

Нет, это были не такие люди, как вы. Они носили одежду. Много одежды, потому что там было очень холодно. Да, это было во времена хаоса, прежде чем Коростель вылил его прочь.

И вот Зеб посмотрел на горы, и на озера, и на мох и подумал: «Что же я буду есть?» А потом он подумал: «В этих горах должно быть очень много медведей».

Медведь – это очень большое животное, покрытое шерстью. У него большие когти и много острых зубов. Он больше рыска. Больше волкопса. Больше свиноида. Вот какой он большой.

Он разговаривает рычанием. Он бывает очень голодный. Он может что угодно разорвать на куски.

Да, медведи тоже Дети Орикс. Я не знаю, зачем она сотворила их такими большими и с такими острыми зубами.

Да, мы должны быть к ним добры. Самый лучший способ быть добрыми к медведям – это держаться от них подальше.

Я не думаю, что где-нибудь поблизости от нас сейчас есть медведи.

И Зеб подумал: «А вдруг медведь меня учуял! Вдруг он прибежит прямо сейчас, потому что он очень голодный, ужасно голодный, и захочет меня съесть. И мне придется с ним драться. А у меня есть только этот маленький ножик и эта палка, которая делает дырки в вещах. И мне придется выиграть бой и убить медведя, и тогда мне придется его съесть».

Да, медведь очень скоро появится в этой истории.

Да, Зеб выиграет бой. Зеб всегда выигрывает. Потому что так получается.

Да, он знал, что Орикс будет печальна. Зебу было жалко медведя. Он не хотел делать медведю больно. Но он также не хотел, чтобы медведь его съел. Вы ведь не хотите, чтобы вас съел медведь? И я тоже не хочу.

Потому что медведи не могут питаться одними листьями. Потому что от этого они заболеют.

И вообще, если бы Зеб не съел медведя, он бы умер, и тогда не был бы сейчас с нами. И это тоже было бы очень печально, правда?

Если вы не перестанете плакать, я не смогу рассказывать дальше.

Меховой промысел

Есть рассказ, и есть рассказ о том, что было на самом деле, и еще есть рассказ о том, как рассказ создавался. А есть еще то, что выкинули из рассказа. И это – тоже его часть.

Из рассказа про Зеба и медведя Тоби выкинула мертвеца, которого звали Чак. Он тоже был затерян среди холодных озер, мха, гор и медведей. Он тоже не знал дороги к людям. Нечестно выбрасывать его, словно стирая из времени, но если бы Тоби добавила его в сюжет, это вызвало бы невозможное количество препятствий и сложностей. Тоби просто не справилась бы. Например, она еще не знает, как этот покойник вообще оказался там.

– Очень жаль, что этот засранец умер, – говорит Зиб. – Я бы из него выжал все, что нужно.

– Все, что нужно? – переспрашивает Тоби.

– Кто его нанял. Чего им было надо. И куда он собирался меня доставить.

– Я так понимаю, «умер» – это эвфемизм. Он не от сердечного приступа скончался.

– Не будь вульгарной. Ты же знаешь, что я имею в виду.

Зиб не знал, куда идти. Он сидел под деревом.

Точнее, он примерно представлял себе, где находится. Среди бесплодных равнин, лежащих меж гор Маккензи, в сотнях миль от ближайшего фастфуда. Он сидел не то чтобы под деревом, скорее рядом с ним, и это было не совсем дерево, скорее что-то вроде куста. Хотя оно и на куст было не похоже, так как росло не пучком – это был один чахлый ствол. Чахлое подобие лиственницы. Зиб в мельчайших деталях разглядел ствол и мертвые нижние ветки, покрытые серым лишайником – пышным, узорным и прозрачным, как трусы шлюхи.

– Много ли ты знаешь о трусах шлюх? – спрашивает Тоби.

– Столько, что тебе это наверняка не понравится, – отвечает он. – Итак. Когда человек видит мелкие детали – очень близкие, очень четкие, совершенно бесполезные детали, – это значит, что он впал в состояние шока.

АОГ-топтер все еще дымился. К счастью, Зебу удалось выбраться из него до взрыва – взорвался «плавательный пузырь», и слава яйцам, что цифровой замок ремней безопасности сработал и открылся; иначе Зиб был бы уже покойником.

Чак лежал на животе в тундре, вывернув голову под тошнотворным углом – на 180 градусов, и глядя через плечо назад, как сова. Впрочем, на Зеба он не смотрел. Он смотрел в небо. Ангелов там не было – может, они должны были прилететь попозже.

У Зеба текла кровь откуда-то из макушки – он чувствовал, как теплая струйка медленно ползет вниз. Рана волосистой части головы. Такие не опасны, но сильно кровоточат. «Твоя голова – самая незначительная часть твоего организма, – любил говорить его папаша-социопат. – Если не считать мозгов. И душонки, если, конечно, надеяться, что Господь вложил в тебя таковую, но я лично в этом сомневаюсь». На словах преподобный всегда очень заботился о душах – причем считал, что предназначен этими душами командовать.

Зиб поймал себя на размышлениях о том, была ли душа у Чака, а если да, то не витает ли она все еще над телом, как слабый запах. «Ну и дебил же ты, Чак», – сказал Зиб вслух. Если бы это ему мозгоскребы поручили похитить самого себя, он бы справился куда лучше этого тупого уroda.

Конечно, Чака немного жаль – ведь были же у него, наверное, хоть какие-то хорошие стороны. Может быть, он любил щеночков. Зато в мире стало одной сволочью меньше, и это безусловный плюс. Галочка в колонке на стороне сил света. Или сил тьмы – в зависимости от того, кто ведет бухгалтерский учет плохих и хороших поступков.

Хотя Чак был не обычной сволочью: он не огрызался, не наезжал – в целом был совсем не похож на Зеба, работающего в режиме «сволочь». Наоборот. Чак был слишком дружелюбен, слишком старался выступать в общем духе: человечество устарело, обрекает себя на вымирание, давайте восстановим равновесие в природе, ля-ля-ля. Он так переигрывал, что выглядел совершенно повернутым на этой теме – даже на фоне прочих сотрудников организации под названием «Медведелет», битком набитой мехолюбями, повернутыми на спасении природы.

Впрочем, в организации были не только мехолюбые – некоторые участники утверждали, что примкнули к ней ради острых ощущений. Это были авантюристы-перекатиполое, все в наколках, волосы стянуты в сальный хвост, как у байкеров в старых фильмах. Любители поиграть мышцей, проверить законы на прочность, и передвигались они чуть быстрее обычного шага, словно у них земля горела под ногами. Как раз таким выглядел Зеб: набрал мышечную массу благодаря натуральным стероидам, делал что надо, не отставал от других, будто отрачивая крылышки на пятках в нужный момент, был не прочь подзаработать и наслаждался жизнью в пограничной, сумеречной зоне, где закон уже не дотянется до твоих карманов, чтобы проверить – а вдруг в них стыдливо прячутся деньги с чужого хакнутого банковского счета.

Записные мехолюбые свысока глядели на Зеба и подобных ему любителей приключений, но не слишком подчеркивали свое моральное превосходство как защитников природы и пламенных борцов за экологию. Им нужны были крепкие ребята в сподвижниках, потому что кое-кто на планете Земля был не в восторге от их идеи – доставлять контейнеры вонючего биомусора аэроорнитоптерами на дальний Север, чтобы стайки шелудивых представителей семейства *Ursidae* могли бесплатно подкормиться.

– Наверно, это было до дефицита нефти, – говорит Тоби. – И до начала производства мусорнефти из углеводородов. Иначе вам никогда не позволили бы расходовать такой ценный материал на медведей.

– Это было до очень многого, – отвечает Зеб. – Хотя цены на нефть уже серьезно полезли вверх.

У «Медведелета» было четыре старомодных топтера, купленных на сером рынке. Эту модель прозвали «летучий иглобрюх». В них якобы использовалась бионика – наполненный гелием и водородом аэростат – «плавательный пузырь» с проницаемой оболочкой, которая всасывала или, наоборот, выдыхала молекулы газа, как плавательный пузырь рыбы, и аэростат сокращался или надувался, позволяя топтерам поднимать тяжелые грузы. Кроме того, у топтеров были стабилизирующие плавники на брюхе, пара вертолетных лопастей для зависания и четыре хлопающих по-птичьи крыла для маневрирования на низких скоростях. Преимуществами этих летательных аппаратов были минимальное потребление горючего, отличная грузоподъемность и способность летать низко и медленно; были у них и недостатки – в частности, полет на топтере длился целую вечность, а бортовое программное обеспечение постоянно отказывало, и очень мало кто из членов «Медведелета» умел их чинить. Приходилось звать сомнительных софтверщиков – точнее, доставлять контрабандой из Бразилии, где процветал черный рынок софта и железа.

Там тебя если увидели, то, считай, уже хакнули. Бразильские хакеры заколачивали огромные деньги на доступе к медицинским картам политиков и к информации об их же темных делишках и о пластических операциях кинозвезд. Но это все была мелкая рябь на поверхности. Настоящие акулы ходили в глубине – там, где одна крупная компания пыталась хакнуть другую. Взломав сеть влиятельной корпорации, человек мог серьезно влипнуть, даже если сидел в укрытии, получая черную зарплату от другой влиятельной корпорации.

– Надо полагать, именно это ты и сделал. И серьезно влип, – говорит Тоби.

– Да, не без того, ведь как-то надо зарабатывать на жизнь, – отвечает Зеб. – Это одна из причин, почему я устроил себе отпуск в «Медведелёте» – он был максимально далек от Бразилии.

«Медведелёт» по сути занимался мошенничеством. Во всяком случае, отчасти. Любой, кто мало-мальски соображал, мог понять это сразу. В отличие от многих мошеннических операций организаторы «Медведелёта» действовали из добрых намерений, но сути это не меняло. Организация существовала за счет сердобольных горожан, чьими эмоциями легко манипулировать. Этим людям нравилось ощущать себя спасителями – им внушали, что они помогают сохранить клочок подлинного первобытного прошлого своих предков, обрывок коллективной души, воплощенный в образе пушистого симпатичного медведя. Концепция была проста: белые медведи голодают, потому что полярные шапки почти растаяли и медведи больше не могут охотиться на тюленей. Значит, нужно подкармливать мишек нашими отбросами, пока бедные животные не адаптируются. Если ты помнишь, тогда было такое модное словечко «адаптация». Впрочем, вряд ли ты помнишь; наверняка в те годы ты еще не выросла из коротких юбочек и только училась вилять задиком, привлекая мужчин.

– Хватит заигрывать, – говорит Тоби.

– Почему? Тебе же приятно.

– Я помню моду на слово «адаптация». Это был синоним слова «выкручивайся, как хочешь». Его говорили людям, которым не собирались помогать.

– Совершенно верно, – отвечает Зеб. – И вообще, то, что мы кормили медведей мусором, не помогало им адаптироваться. Они только привыкали, что еда падает с неба. Услышав шум топтера, они начинали пускать слюни – выработали свой собственный «каргокульт». Но вот тебе самая мошенническая часть мошенничества. Да, лед почти растаял; да, часть белых медведей перемерла, но остальные начали мигрировать на север, смешиваясь с гризли, от которых и отделились какие-нибудь двести тысяч лет назад. Получались белые медведи с бурыми пятнами, или бурые с белыми пятнами, или полностью белые или бурые, но по внешнему виду нельзя было определить характер: безли в основном избегали людей, как гризли, а гризлы обычно атаковали, как белые медведи. Но по виду медведя нельзя было сказать, как он себя поведет. Впрочем, одно мы знали точно – не стоит выпадать из топтера над местностью, где живут медведи.

Как только что сделал Зеб.

– Ну и дебил же ты, Чак, – повторил он. – А тот, кто тебя нанял, – дважды дебил.

Впрочем, наниматели Чака все равно не слышали этих слов. Хотя – эта неприятная мысль осенила Зеба внезапно – может, как раз и слышали.

Авария

И все в «Медведелёте» шло хорошо, пока не появился Чак. Правда, надо сказать, Зеб в тот момент был в несколько шатком положении...

– В отличие от любого другого момента, – замечает Тоби.

– Ты надо мной смеешься, да? Надо мной, несчастным, чья юность была лишена моральных ориентиров из-за жестокого обращения родителей? Надо мной, прежде времени повзрослевшим?

– Неужели я на такое способна?

– Ты еще и не на такое способна. У тебя сердце как гранит. Что тебе нужно, так это сеанс хорошего глубинного бурения.

Действительно, Зеб в тот момент был в бегах, но, кажется, в штаб-квартире «Медведелёта» этого никто не знал, и всем было плевать: половина сотрудников «Медведелёта» была в сходном положении, так что все жили по принципу «Не рассказывай и сам не спрашивай».

Работа была несложная: сперва загружались съедобные отбросы (в Уайтхорсе или Йеллоунайфе, иногда в Таке, где танкеры с буровыми платформами, ведущие шельфовую нефтесборку в море Бофорта, сгружали мусор, если не выкидывали его раньше куда попало). В те дни в отбросах буровых платформ все еще хватало настоящего животного белка – экипажи танкеров купались в роскоши. Свинина – они ели много свиных субпродуктов, курица и тому подобное. Попадалось и искусственно выращенное мясо – но высшего сорта, и замаскированное в сосисках или мясном рулете, так что даже не отличишь.

Надо было погрузить отходы в топтер, быстренько выпить пива, долететь на топтере до одной из точек сброса, зависнуть над землей, сбросить отходы и вернуться. Однообразно, аж скулы сводит от скуки – разве что погода выпадет плохая или в топтере что-нибудь сломается. В этом случае нужно было посадить топтер (желательно не на склон горы) и переждать плохую погоду или просто поплевать в небо, пока не явятся ремонтники. Затем все повторялось снова. Обычные будни. Самое противное было слушать проповеди какого-нибудь повернутого зеленого мехолюба в каком-нибудь баре в занюханном городке, когда пытаешься нажраться в сосиску дерьмовым пивом, которое привозили в город в бочках и наливали из них же.

Кроме этого, можно было есть, спать и, если повезет, попрыгать в койке с какой-нибудь девчонкой из «Медведелёта» – только выбирать осторожней, потому что некоторые нервно реагировали на авансы, а другие были уже заняты, а в драки Зеб старался не ввязываться. Зеб никогда не видел особого смысла в том, чтобы кататься по полу в баре, сбивая табуретки, с каким-нибудь дебилом, считающим, что он навеки застолбил телку, потому что у него выдающийся член и ямочки на щеках. У такого дебила мог оказаться нож. Пистолет – уже вряд ли, потому что как раз в это время ККБ начала конфисковывать огнестрельное оружие под предлогом заботы о безопасности населения (на самом деле ККБ хотела, чтобы техническая возможность убивать на расстоянии была только у нее). Кое-кто – владельцы «глоков» и других фирменных пушек – прятали их, закапывали в землю, на случай если вдруг понадобится. Но именно по этой причине было маловероятно, что пушка окажется у человека при себе. Хотя в северных гребнях не очень уважали законы и всякие там инструкции. На севере границы закона всегда чуточку размыты. Так что полной гарантии никто не дал бы.

Итак, девчонки. Если на личике (кругленьком или не очень) читалось «Отвали», Зеб отваливал. Но если кое-кто под покровом темноты забирался к нему в койку, стоящую в комнате общежития, Зеб и не думал возражать. Ему с детства внушали, что в смысле нравственных принципов он недалеко ушел от таракана, а он старался не обманывать чужие ожидания.

Кроме того, отвергнуть авансы девушки – значит нанести ей тяжелую моральную травму. Не все эти девушки при свете оказались бы красавицами, но у одной была потрясающая мягкая попа, а у другой сиськи как два шара для боулинга в авоське, а...

– Слишком много информации, – говорит Тоби.

– Не ревнуй. Они все умерли. Неужели ты будешь ревновать к кучке мертвых женщин?

Тоби молчит. В воздухе между ними висит сексапильный труп Люцерны, когдатошней сожительницы Зеба, – невидимый, неупоминаемый и, насколько известно Тоби, скорее всего непогребенный.

– Живым быть лучше, чем мертвым, – говорит Зеб.

– Не буду спорить. С другой стороны, никогда не знаешь, пока сам не попробуешь.

Зеб хохочет.

– У тебя тоже потрясающая попа, – говорит он. – Только не мягкая. Очень компактная.

– Расскажи про Чака.

Чак появился в штаб-квартире «Медведелета», словно вошел на цыпочках в запретную комнату, но с таким видом, словно имел на это полное право. Крадучись, но уверенно. Зебу показалось, что у Чака одежда слишком новая. Он был как только что из магазина спортивно-охотничьего снаряжения – кругом сплошные молнии, застежки-липучки и клапаны карманов. Как навороченный видеопазл. «Раздень этого человека, найди лепрекона, и выигрешь приз». Никогда не доверяй человеку в новой одежде.

– Но должна же одежда когда-нибудь быть новой, – говорит Тоби. – Во всяком случае, тогда – должна была. Когда она только с фабрики, она всегда новая.

– Настоящие мужчины умеют запачкаться с головы до ног за секунду. Достаточно поваляться в грязи. Кроме одежды, у него были слишком большие и слишком белые зубы. Когда я вижу у человека такие зубы, мне всегда хочется аккуратно постучать по ним бутылкой. Проверить, не вставные ли они, и посмотреть, как они будут крошиться. У моего папочки, преподобного, были такие. Он их специально отбеливал. Эти зубы и загар – все вместе было похоже на рыбу-удильщика, что живет в глубинах океанов, или на голову дохлой лошади, давно лежащую в пустыне. Когда он улыбался, становилось хуже.

– Не надо вспоминать о детстве. Ты впадешь в меланхолию.

– «Вредна для дела печаль, скажи печали «прощай»? Детка, не надо среди меня проповедовать.

– Мне это, во всяком случае, помогает. Отгонять печаль.

– Ты уверена?

– Так что там с Чаком?

– Так вот, Чак. У него были какие-то такие глаза. У Чака. Как ламинированные. Жесткие и блестящие. Словно прикрытые прозрачной заслонкой.

Когда Чак впервые появился в столовой с подносом в руках и спросил разрешения подсесть, он оглядел Зеба с ног до головы – вот этими вот ламинированными глазами. Словно штрихкод сосканировал.

Зеб посмотрел на Чака снизу вверх. Не сказал ни да, ни нет – только хрюкнул (что можно было истолковать и так, и эдак) и стал дальше сражаться с загадочным резиновым подобием сосиски у себя на тарелке. Можно было ожидать, что Чак начнет расспрашивать – кто ты такой, как сюда попал и так далее, – но он избрал другую стратегию. Он начал с «Медведелета». Сказал, что это потрясающая шарага. Но поскольку Зеб не начал в ответ кивать и восторженно угукать, Чак намекнул, что оказался тут лишь по причине временной черной полосы в своей жизни – ну знаешь, пришлось залечь на дно, пока буря не уляжется.

– А что ты сделал? Поковырял в носу? – спросил Зеб, и Чак заржал, показав зубы дохлой лошади. Он сказал, что догадался: «Медведедёлт» – это для парней, которые, ну, знаешь, что-то вроде Иностранного легиона.

– Иностранного чего? – переспросил Зеб, и на этом разговор закончился.

Впрочем, грубость не помогла избавиться от Чака. Он отступил, но остался вездесущим. Например, Зеб сидел в баре и старательно работал над завтрашним похмельем – и вдруг рядом появлялся Чак, набивался в друзья и говорил, что следующая за его счет. Или Зеб отливал в сортире, и вдруг рядом появлялся Чак – материализовался, подобно эктоплазме, за две кабинки от него; или Зеб заворачивал за угол в злачном квартале Уайтхорса, и вдруг не кто иной, как Чак в этот самый момент заворачивал за соседний угол. Зеб не сомневался, что Чак в его отсутствие копается у него в шкафу.

– Я не возражал, – говорит Зеб. – В моем грязном белье не было ничего, кроме грязного белья, потому что настоящее грязное белье я хранил в голове.

Но чего же добивался этот Чак? Потому что он явно чего-то добивался. Поначалу Зеб решил, что Чак голубой и вот-вот полезет к нему в штаны, но дело обстояло иначе.

В следующие несколько недель Чак и Зеб пару раз летали на задание вместе. В «иглобрюхе» всегда было два пилота: они спали и вели топтер по очереди. Зеб не хотел летать с Чаком – к этому времени у него при виде Чака уже мурашки ползли. Но в первый раз напарника Зеба вызвали на похороны тети, и Чак втерся на освободившееся место. А во второй раз другой напарник Зеба что-то не то съел. Зебу приходило в голову, что это Чак заплатил обоим за прогул. Или сам придушил тетушку и напихал кишечных палочек в пиццу для достоверности.

Он ожидал, что Чак задаст судьбоносный вопрос, когда они будут в воздухе. Может, Чак знает о прошлых подвигах Зеба и хочет завербовать его от имени доселе неизвестной шайки нехороших людей, желающих организовать серьезную хакерскую вылазку; а может, он представляет группу вымогателей, которые собираются обработать какого-нибудь олигарха, или группу воров интеллектуальной собственности, которым нужны эксперты по запутыванию следов в связи с планируемым похищением важного сотрудника из корпорации.

А может, это подстава – Чак предложит что-нибудь сугубо противозаконное, запишет на видео согласие Зеба, и тут же сомкнутся гигантские клешни системы, якобы охраняющей закон и порядок; или Чак начнет его шантажировать, хотя это было бы уже полным безумием – из камня дерьма не выжмешь.

Но ни в одном из полетов ничего странного не случилось. Должно быть, Чак нарочно все это организовал, чтобы успокоить Зеба. Прикинуться овечкой. А что, если его безбидность – лишь умелый отвод глаз?

Отвод глаз почти сработал. Зеб начал думать, что у него мания преследования. Что он шарахается от теней. Беспокоится из-за склизкого ничтожества вроде Чака.

То утро – утро крушения вертолета – началось совсем как обычно. На завтрак был бутерброд без названия с загадочными ингредиентами, пара кружечек суррогата кофе и поджаренный в тостере ломоть прессованных опилок. «Медведедёлт» закупал провизию по дешевке: люди, служащие столь благородному делу, должны были смиренно питаться продуктами, идентичными натуральным, а качественную еду оставлять медведям.

Потом они загружали отбросы в биоразлагаемых мешках в чрево «иглобрюха». Постоянного напарника Зеба в этот день сняли с полетов: он порезал ногу, танцуя босиком на битом стекле в местном борделе – демонстрировал крутизну (говорили, что он был упорот в дугу какой-то синтетической дуры). Вместо него с Зебом должен был лететь некто Родж, вроде нормальный парень. Но когда Зеб полез в кабину, то обнаружил там Чака, укомплек-

тованного молниями и застежками-липучками. Чак скалился огромными белыми лошадиными зубами, но ламинированные глаза не улыбались.

– Что, Роджу срочно позвонили? У него бабушка умерла? – спросил Зеб.

– Отец, – поправил Чак. – Привет. Смотри, я тебе пива принес.

Он и себе принес банку пива – чтобы показать, какой он обычный нормальный мужик.

Зеб хрюкнул, взял пиво и открутил верхушку.

– Пойду схожу в сортир, – сказал он. Оказавшись в сортире, он вылил пиво в унитаз.

Пробка была вроде бы ненарушенная, но это можно подделать – вообще все, что угодно, можно подделать. Зеб не собирался ни пить, ни есть ничего из того, что побывало в руках у Чака.

Взлетать на «иглобрюхах» всегда было непросто: поднимались они на вертолетных лопастях и плавательном пузыре, но задействовать хлопающие крылья можно было только на определенной высоте, и лопасти отключить в нужный момент, не раньше и не позже, иначе топтер мог завалиться на бок и войти в штопор.

Но в этот день они взлетели без проблем. Рейс проходил как обычно – они петляли по долинам в горах Пелли, зависая там и сям на несколько минут, чтобы сбросить съедобные «бомбы» для медведей; потом отправились на высокогорные пустоши, окруженные горами Маккензи, и выполнили еще пару сбросов; пересекли старинную трассу Канол, на которой до сих пор торчали кое-где остатки телефонных столбов времен Второй мировой войны.

Топтер хорошо слушался управления. Он прекращал хлопать крыльями и зависал точно над местами сброса, люк открывался, как положено, и биомусор сыпался вниз. На последней станции кормежки два медведя – один по большей части белый, другой почти весь бурый – уже трусили к своей личной куче, завидев топтер издали; Зеб видел, как колыхается на солнце их мех – словно мохнатый ковер встряхнули. Такая близость к диким зверям щекотала нервы.

Зеб развернул топтер и взял курс на юго-запад, обратно в Уайтхорс. Потом передал управление Чаку, потому что по часам была очередь Зеба отдыхать. Он лег, надул подушку, чтобы подложить под шею, и закрыл глаза, но не позволил себе задремать – Чак был уж слишком напряжен во все время полета. Это настораживало, так как заводиться ему было совершенно не с чего.

Чак сделал свой ход, когда они пролетели примерно две трети пути до первой узкой горной долины. Из-под опущенных век Зеб увидел, что Чак украдкой тянется к его бедру, а в руке зажато что-то тонкое, блестящее. Он стремительно сел и ударил Чака по трахее. Правда, недостаточно сильно – Чак ахнул, точнее даже, не ахнул, а издал трудноописуемый звук и уронил то, что держал, но тут же схватил Зеба за шею обеими руками, а Зеб его снова ударил, и, конечно, топтером все это время никто не управлял, а во время драки кто-то из них двоих, видимо, ударил рукой или ногой или локтем по пульту. Топтер сложил два из четырех крыльев, завалился на бок и рухнул вниз.

И вот поэтому Зеб сейчас сидел под деревом, пялясь на ствол. Удивительно, как четко обрисовывались кружевные края лишайника; они были светло-серые с прозеленью, а чуть более темный край образовал такой затейливый рисунок...

«Встать! – приказал Зеб сам себе. – Делай ноги отсюда!»

Но тело его не послушалось.

Припасы

Прошло много времени – во всяком случае, Зебу казалось, что прошло много времени; он словно двигался в какой-то прозрачной вязкой слизи. Он перекатился набок и с усилием встал на ноги рядом с чахлой лиственницей. Потом его стошнило. Его не мутило до этого: просто вдруг стошнило, и все.

– Многие животные так делают, – объясняет он. – В состоянии стресса. Чтобы не тратить энергию на переваривание пищи. Лишний груз.

– Тебе было холодно? – спрашивает Тоби.

У Зеба стучали зубы, он дрожал. Он снял с Чака пуховый жилет и надел поверх своего. Жилет был не сильно порван. Зеб проверил карманы, нашел мобильник Чака и камнем размолотил его в лепешку, чтобы уничтожить навигатор и всякую возможность подслушивания. Как только Зеб занес камень, телефон зазвонил; Зеб сделал титаническое усилие и не дал себе ответить на звонок, притворившись Чаком. Может быть, стоило так сделать и сказать, что Зеб мертв. Может, так он что-нибудь узнал бы. Через пару минут зазвонил его собственный телефон; он подождал, пока телефон перестанет звонить, и размолотил и его тоже.

У Чака нашлись и еще игрушки, хотя ничего особенно интересного – все это было и у самого Зеба. Складной нож, репеллент от медведей, репеллент от насекомых, сложенное одеяло из металлоткани – космические технологии для выживания – и все такое. Зебу страшно повезло – ружье на медведя, которое они всегда брали с собой на случай вынужденной посадки и нападения, вышвырнуло из кабины вместе с Чаком. Ружья на медведя были исключением из новых антиоружейных законов, потому что даже тупые бюрократы из ККБ знали: на севере, в медвежьем краю, нельзя без ружья. ККБ не любила «Медведелёт», но и не пыталась его прикрыть, хотя запросто могла бы – ей это было не сложнее, чем пальцем шевельнуть. «Медведелёт» играл важную роль, даря крупицу надежды и отводя публике глаза от реального положения дел – то есть от чьих-то намерений сровнять планету бульдозером, предварительно захапав с нее все ценное. ККБ не возражала против рекламы «Медведелёта», в которой типичный чокнутый мехолоб, скаля зубы, рассказывал, до чего замечательное и благородное дело мы делаем, и пришлите-ка нам еще денег, а то все медведи, что помрут с голоду, будут у вас на совести. ККБ даже сама жертвовала «Медведелёту» деньги. Совсем давно, когда они еще строили из себя защитников общественного блага (поясняет Зеб). Как только они окончательно захватили власть, такие условности их сразу перестали волновать.

При виде ружья Зеб почти перестал дрожать. Он готов был обнять и расцеловать ружье: оно давало ему полшанса на спасение. Шприца, который собирался воткнуть в него Чак, Зеб не нашел, а жаль – ему хотелось знать, что там было. Скорее всего, что-нибудь для отключки. Сделать стоп-кадр бодрствующему мозгу и отвезти на неприятное randevu, где мозгоскребы, нанятые кто-знает-кем, обдерут его до последнего нейрона, высосут все данные, что он когда-либо добыл хакерством, а заодно и данные о тех, кто ему за это хакерство платил, и выкинут пустую шкурку в какое-нибудь загаженное дальнее болото. Пускай слоняется с амнезией (искусственной), пока местные жители не украдут у него штаны и не разберут самого на органы для черного рынка.

А даже если бы шприц попал к нему в руки, что толку? Попробовать его на себе? Воткнуть в какого-нибудь лемминга?

– Ну все-таки, можно было бы его держать при себе на случай крайней нужды, – говорит Зеб.

– Крайней нужды? – Тоби улыбается в темноте. – А это была не она?

– Нет, настоящей нужды. Например, если бы я на кого-нибудь наткнулся там в тундре. Вот это была бы чрезвычайная ситуация. Скорее всего, это оказался бы какой-нибудь псих.

– А веревочки там не было? – спрашивает Тоби. – В карманах. Вербочка всегда пригодится. Бечевка или тонкий трос.

– Вербочка. Да, точно, теперь я вспомнил. И моток рыболовной лески с крючками, мы все носили такую с собой. Зажигалка. Мини-бинокль. Компас. Всем этим нас экипировал «Медведелет». Бойскаутское барахло, азы выживания. Правда, я не стал брать у Чака компас, у меня уже был один. Зачем мне два компаса?

– Энергетические батончики? – спрашивает Тоби. – Полевые рационы?

– Да, один-два говенных энергобатончика с фальшивыми орехами. И пакетик леденцов от кашля. Я все это взял. И еще.

Он делает паузу.

– И еще что? Продолжай.

– Ну ладно, но я тебя предупреждаю: это гадость. Я прихватил кусок Чака. Отрезал карманным ножом. Отпилил кое-как. У Чака была складная водонепроницаемая куртка, в нее и завернул. Мы все знали, что на Бесплодных равнинах есть особо нечего – нам об этом говорили на инструктаже. Кролики, земляные белки, грибы, но у меня не было бы времени искать все это. И вообще, если питаться только кроликами, можно умереть с голоду. Они это так и называли – «кроличий голод». В них нет ни капли жира. Это как та самая диета, как ее. Которая из одних белков. Тело начинает растворять собственные мышцы. Сердце истончается.

– А какую часть Чака ты взял? – спрашивает Тоби. Она удивлена, что не чувствует безразличности: а ведь когда-то безразличность еще была доступной роскошью.

– Самую жирную, – отвечает Зеб. – Бескостную. Ту, которую взяла бы и ты. И любой другой здравомыслящий человек.

– А совесть тебя не мучила? Слушай, хватит похлопывать меня по попе.

– Почему? Нет, не очень мучила. Он бы сделал то же самое. А поглаживать можно? Так лучше?

– Я слишком тощая, – говорит Тоби.

– Да, немножко амортизации не помешало бы. Я принесу тебе коробку шоколада, если достану. Надо тебя откормить.

– И цветов. Давай ухаживай как положено, по полному списку. Я уверена, что для тебя это будет первый раз.

– Я могу тебя удивить. Мне случалось в жизни подносить букеты. Своеобразные.

– Давай рассказывай дальше, – говорит Тоби. Ей не хочется думать о букетах Зеба – ни о том, какого рода были эти букеты, ни о том, кому он их преподносил. – Вот ты сидишь. Вдали стоят горы, рядом лежит Чак – частью на земле перед тобой, частью у тебя в кармане. Сколько было времени?

– Часа три дня. Может, пять. Черт, а может, и восемь – в это время там еще светло. Я потерял счет времени. Была середина июля, я уже говорил? Летом в тех широтах солнце почти не заходит. Вроде как приседает за горизонт, оставляя такую красивую красную каемку. И через несколько часов опять выходит. Те места южнее Северного полярного круга, но все равно так далеко на север, что там тундра: двухсотлетние ивы как растущие вбок виноградные лозы, а все цветы цветут разом, потому что лето там длиной всего недели две. Хотя в тот момент мне было не до цветов.

Он подумал, что лучше убрать Чака с глаз долой. Снова надел на него штаны и засунул тело под крыло топтера. Поменялся с ним ботинками – тем более что у Чака ботинки были лучше, и размер более-менее подходил – и высунул одну ногу наружу, пускай издали

кажется, что это Зеб там лежит. Он решил, что если погибнет, ему будет комфортней существовать – во всяком случае, на ближайшее будущее.

Когда в штаб-квартире «Медведелёта» заметят, что связь с бортом потеряна, они обязательно пошлют кого-нибудь на поиски. Скорее всего, ремонтников. Те увидят, что ремонтировать уже нечего и что никто не сидит рядом с обломками, размахивая белым платочком и посылая в небо ракеты, и улетят обратно. Таков был этический принцип организации: не тратить топливо на покойников. У Матери-Природы все пойдет в дело. О погребении позаботятся медведи, волки, росомахи, вороны и иже с ними.

Но медведелётчики – не единственные, кто прилетит посмотреть. Операцию мозгового захвата Чак проводил явно не с ведома «Медведелёта»: иначе действовал бы прямо на базе, и у него были бы помощники. И от Зеба уже осталась бы только лоботомизированная шкурка, брошенная в каком-нибудь зомби-городке, где выработаны все шахты и выкачана вся нефть – ходячий труп с фальшивым паспортом и без отпечатков пальцев. Хотя, скорее всего, они и это не потрудились бы сделать – ведь Зеба и так никто не хватится.

Значит, наниматели Чака сидят не в «Медведелёте», а где-то еще. И оттуда они звонили. Но где это? В Норман-Уэллсе, в Уайтхорсе? Где угодно, лишь бы там взлетная полоса была. Зебу следовало немедленно убраться от места крушения как можно дальше и найти убежище, прикрытое с воздуха. А в практически голой тундре это не так просто.

Впрочем, безли и гризлые это умеют, хотя они крупней человека. Но у них больше опыта.

Барак

Зеб двинулся в путь. Топтер упал на пологом склоне, понижающемся к западу; на запад Зеб и направился. Он примерно представлял себе карту этого места. Жаль, что у него не было бумажной карты – в полете они всегда держали такую на коленях на случай, если откажет электронная навигация.

Идти по тундре было тяжело. Губчатая, насыщенная влагой почва со скрытыми бочагами, скользким мхом и предательскими травяными кочками. Из торфа торчали куски старинных самолетов – там стойка, здесь лопасть пропеллера. Все, что осталось от смелых пилотов двадцатого века, водивших свои кукурузники над тундрой и застигнутых туманом или порывом ветра. Зеб увидел гриб и оставил его на месте: он мало что знал о грибах, но среди них были галлюциногенные. Только этого не хватало: чтобы ему явился грибной бог, вокруг которого порхают зеленые и фиолетовые медвежата на крохотных крылышках, склабсь крохотными розовыми пастями. День и без того выдался – чистый сюр.

Медвежье ружье было заряжено, и спрей Зеб тоже держал наготове. Если случайно наскочишь на медведя, он нападает. Спрей можно использовать, лишь когда станут видны белки глаз (налитые кровью), так что нужно все делать очень быстро – распылить спрей и тут же стрелять. Если это безли, обычно так и получается. Но гризлые подстерегают в засаде и нападают со спины.

На выходе мокрого песка Зеб нашел отпечаток – левой передней лапы, а чуть дальше свежий помет. Скорее всего, они следят за ним в эту самую минуту. Они знают, что у него при себе кровавый кусок мяса, как бы аккуратно Зеб ни упаковал свою ношу – просто чувствуют. И его страх тоже чувствуют.

Ноги у него уже промокли насквозь, несмотря на суперботинки Чака. На ноге они сидели тоже совсем не так хорошо, как рассчитывал Зеб. Он живо представлял себе, как его ступни в носках превращаются в бледные, пузырчатые от водяных мозолей лепешки. Для отвлечения – от ног, от медведей, от мертвого Чака, от всего на свете – и подачи предупредительного сигнала медведям, чтобы никто ни на кого не наскочил врасплох, он запел. Эта привычка осталась у него с так называемой юности, когда он насвистывал в темноте – в очередной темноте, в которую его запирали. В темноте, во тьме, которая была рядом всегда – даже при свете.

Папа – сволочь, мама – блядь,
Тихо! Тихо! Ну-ка спать!

Нет, слово «спать» сейчас совершенно не к месту, хотя он жутко устал. Нужно идти. Марш-бросок.

Кретин, кретин, кретин, кретин,
Не будь ты психом, не шел бы сейчас один.

Ниже по склону виднелась полоса зелени погуще – значит, там ручей. Зеб направился туда, перебираясь через холмики, мох и пятна голой гальки, которую вытолкнула из земли наружу вечная мерзлота. В тот день было не особенно холодно, а на солнце, по правде сказать, даже жарко, но на Зеба по-прежнему налетали приступы дрожи – словно мокрая собака отряхивается. Он покрепче запахнул на себе жилет Чака.

Уже почти дойдя до ручья – даже небольшой речки, с быстрым течением, – Зеб подумал: а что, если там «жучки»? В жилете. Что, если где-нибудь в подкладке зашит крохотный передатчик? Они подумают, что Чак жив и куда-то идет, но почему-то не отвечает на телефонные звонки. И пошлют за ним кого-нибудь.

Он снял жилет, вошел в ручей, прошел вброд до стремнины и засунул жилет под воду. В подкладке оказалось полно воздуха, и жилет никак не тонул. Можно было напихать камней в карманы, но Зеб сделал еще лучше: он отпустил жилет, и тот поплыл прочь. Зеб смотрел, как жилет диковинной раздутой медузой уплывает все дальше и дальше по течению, и думал: «Блин, что-то я совсем плохо соображаю в последнее время. Надо сосредоточиться».

Он зачерпнул рукой холодной воды и попил. «Не пей слишком много, отяжелеешь». И задумался, не проглотил ли он сейчас с водой бобровую мочу и не заболит ли теперь бобровой лихорадкой. Но, конечно, тут на севере никаких бобров нет. Чем можно заразиться от волков? Бешенством – но не через выпитую воду. Не растворен ли в воде лосиный помет? С крохотными червячками, которые сразу примутся бурить ходы у Зеба в потрохах. Какие-нибудь печеночные сосальщики.

«Что ты стоишь в воде и сам с собой разговариваешь вслух? – спросил он себя. – Тут все видно как на ладони. Иди по долине ручья. Держись кустов, прячься от чужих глаз». Он мысленно подсчитывал: сколько времени должно пройти с момента, когда Чак не ответил на телефон? Часа два, наверное; сначала паника, вопросы: «что могло случиться?», потом соберут совещание, телеконференцию там или как, будут обмениваться сообщениями, крутить динамо, спихивать друг на друга ответственность и кидаться обвиняющими намеками. И всякое такое.

Здесь, в затишке, ивы росли ему по плечо. Травы, кустарник. Мухи, мошка, москиты. Говорили, что от них карибу иногда сходят с ума. И тогда бросаются в торфяную жижу заболоченных озер, дрейфуют, гребя широкими копытами-снегоступами – бег в никуда. Зеб попрыскал на себя репеллентом от насекомых, но не слишком щедро: репеллент придется экономить. Зеб шел на запад, где, насколько он помнил – во всяком случае, ему казалось, что помнил, – он должен был наткнуться на бывшую трассу Канол. От нее мало что осталось, но он летал здесь и вроде бы видел с воздуха, что на трассе еще стоят какие-то строения. Там барак, тут один-два сарая.

Он взял направление на покосившийся телеграфный столб – старинный, еще деревянный. У столба обнаружился ком колючей проволоки и скелет карибу, запутавшийся в нем рогами. Дальше – бочка из-под нефтепродуктов, потом еще две бочки, потом красный грузовик в почти идеальном состоянии, но без шин. Наверняка их забрали местные охотники, увезли на своих полноприводных машинах, давно, когда люди еще могли позволить себе топливо для поездок в такую даль за дичью. У грузовика были округлые линии, сглаженный силуэт, характерный для 1940-х, когда строилась дорога. Какому-то чиновнику во время Второй мировой пришлось в голову транспортировать нефть на материк по трубопроводу, в обход подводных лодок, курсирующих вдоль побережья. На постройку дороги привезли толпу солдат с юга, в основном черных. Те никогда не сталкивались с холодами ниже нуля, пятидневными буранами и круглосуточной темнотой; бедняги, должно быть, решили, что попали в ад. Согласно местным легендам, треть из них сошла с ума. Зеб их вполне понимал – здесь легко сойти с ума даже и без буранов.

Одна нога уже болела – наверняка пузырь, но Зеб не мог себе позволить остановиться и посмотреть. Он ковылял по мятой крошащейся ленте дороги, держась поближе к кустам и все время косясь на небо, и набрел на барак. Длинное низкое здание, деревянное, без двери, но с крышей.

Скорей в полумрак. И ждать. Было очень тихо.

Листы металла, словно со свалки, обломки дерева, ржавая проволока. Вон там, наверное, стояли койки. Вспоротое, разодранное кресло. Корпус радиоприемника – округлый, словно каравай хлеба, характерный дизайн сороковых. Круглая ручка еще на месте. Ложка. Останки печки. Запах гудрона. Солнечный луч пробивается через трещину крыши, и в нем танцуют пылинки. Волокна давно ушедшего отчаяния, выгоревшей добела скорби.

Ждать было хуже, чем идти. Его тело местами пульсировало: ноги, сердце. Он дышал оглушительно громко.

Тут ему пришло в голову: а что, если на нем самом жучки? Что, если Чак постарался – так, на всякий случай: дождался, пока Зеб на что-нибудь отвлечется, и подsunул ему в задний карман мини-передатчик. Если так, то его песенка спета; они прямо сейчас слушают его дыхание. Они даже слышали, как он пел. Они его запеленгуют, пальнут мини-ракетой, и привет.

Ничего не поделаешь.

Он не знал, сколько прошло времени – наверное, около часу, – когда вдали показался низко летящий орнидрон. Да, с северо-востока; значит, из Норман-Уэллса. Орнидрон полетел прямо к месту аварии и сделал пару заходов, передавая изображения на базу. Тот, кто сидел на базе и управлял им, видимо, принял решение. Орнидрон выстрелил в сломанное крыло, под которым лежал Чак. Залпов было несколько. Потом орнидрон взорвал все, что осталось от топитера. Зеб как будто слышал переговоры за пультом: «Ни один не выжил. Ты уверен? Не может быть. Оба? Ну наверное. В любом случае сейчас там уже точно никого не осталось. Выжженная земля».

Он затаил дыхание, но дрон не полетел по следу уплывшего жилета и не обратил внимания на допотопный барак у старинной трассы; он развернулся и улетел туда, откуда прибыл. Должно быть, они хотели попасть на место первыми и замести следы до появления ремонтников из «Медведелета».

Ремонтники, конечно, появились – как обычно, не спеша. «Ну шевелитесь же, – думал Зеб. – Я есть хочу». Они зависли над останками топитера, наверняка восклицая «О Боже!», «Бедняги» и «У них не было ни единого шанса». Потом они тоже улетели – обратно в направлении Уайтхорса.

Спустились красные сумерки, сгустился туман, и похолодало. Зеб развел костерок, подложив металлический лист, чтобы не сжечь весь барак – костер был внутри барака, чтобы дым поднимался к потолку и рассеивался. Никаких предательских столбов дыма. Зебу удалось чуть-чуть согреться. Потом он приготовил еду. И поел.

– Вот так просто? – спрашивает Тоби. – Как-то очень быстро все получилось.

– Что?

– Ну, все-таки... Я хочу сказать, что...

– Ты хочешь сказать, что это было мясо? Вдруг решила встать в позу добродетельной вегетарианки?

– Не вредничай.

– Или ты хотела, чтобы я сперва прочитал молитву? Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты сотворил Чака таким дебилом и через него уготовал мне пищу благодаря его самопожертвованию, похвальному, хотя и совершенно непреднамеренному и проистекшему из его собственной глупости?

– Ты шутишь.

– Тогда не прикидывайся первой вертоградаршей.

– Эй! Ты, между прочим, сам из старых вертоградарей! Ты был правой рукой Адама Первого, столпом...

– В то время я еще не был никаким столпом, бля. Впрочем, это уже совсем другая история.

Йети

Конечно, это было непросто. Зеб нарезал мясо на маленькие кусочки и нанизал на кусок ржавой проволоки вместо шампура, при этом читая себе лекцию: «Это – Питание, с большой буквы Пэ! Неужели ты думаешь выбраться отсюда без Питания?» Глотать все равно было трудно. Хорошо, что Зеб умел абстрагироваться от вещей, оказавшихся у него во рту. В жизни ему часто приходилось это делать – взять хотя бы отвратительную «нямку» в «Медведелёте». Очень вероятно, что она и вправду по крайней мере частично состояла из нямки, популярной белковой добавки, поставляемой в сушеном измельченном виде.

Этот полезный навык он приобрел еще в детстве. В арсенале воспитующих наказаний преподобного было и такое: кто говорит каку, тот должен съесть каку. Зеб учился не слышать запаха, не чувствовать вкуса, не думать; совсем как три обезьянки, слепая, глухая и немая, что сидели на подзеркальнике у матери, закрывая лапами глаза, уши и рот: «Не вижу плохого», «Не слышу плохого», «Не говорю плохого». Ролевые модели, которым старательно следовала мать. «Тебя стошнило? Что это у тебя на подбородке?» – «Он сказал: «Ты пес, так жри свою блевотину». Он сунул меня головой в...» – «Ай-яй-яй, Зебулон, как нехорошо лгать! Ты прекрасно знаешь, что папочка никогда не станет так делать. Он тебя любит!»

Засунуть воспоминания в подвал, захлопнуть люк и придавить камнем. Сейчас важнее думать о том, как бы согреться. В углу валялся ломкий от старости рубероид – толку мало, но хоть что-то. Зеб расстелил его на полу – хотя бы отчасти сохранит тепло и защитит от сырости. Сухие носки помогли бы; Зеб сложил палочки шалашиком возле умирающего костра и растянул на них носки, надеясь, что те не прогорят. Потом взял несколько камней среднего размера и нагрел на углях. Обмотал застывшие ноги пуховым жилетом, достал два космических одеяла из металлизированной ткани, свое и Чака, завернулся в них и сунул нагретые камни под себя. Держать сердцевину в тепле – первая заповедь. Заботиться о ногах, чтобы они не отвалились – это всегда полезно, если надо куда-то идти. Помнить, что от рук без пальцев мало толку при выполнении мелких движений – например, ими не завяжешь шнурки.

Не рычал ли кто во тьме за стенами барака, не царапался ли в стены? Двери нет – заходи кто хочешь. Россомаха, волк, медведь. Возможно, запах дыма их отпугнул. Спал ли Зеб? Наверное. Рассвело очень быстро.

Он проснулся с песней на устах.
Я в подштанниках блуждал,
Свою милку повстречал –
Моя милка хоть куда,
Волосата, как...³

Перекорезенная хрипелка-кричалка с какого-то мальчишника. Впрочем, бодрит. Мгновенное братание пещерных людей. «Заткнись, – скомандовал он сам себе. – Ты хочешь умереть с похабщиной на устах?» «Какая разница – все равно никто не слышит», – парировал он.

Носки не то чтобы высохли, но стали суше. Вот болван – надо было забрать носки у Чака, содрать их с ног, белесых, как рыбе брюхо; этих ног уже и на свете нет, а в памяти они застряли. Зеб надел носки, сложил космические одеяла и запихал в карманы – стоило

---

³ Здесь и далее, если не оговорено иное, перевод стихов Д. Никоновой.

вытащить эти дурацкие одеяла из чехла, и обратно они уже ни за что не лезли. Он подобрал остатки пикника и полезные скаутские придамбасы и осторожно выглянул в дверной проем.

Кругом лежал туман. Серый, словно эмфиземный кашель. И хорошо – в таком тумане летучие соглядатаи особо не летают. Хотя для самого Зеба не так уж хорошо – он теперь не будет видеть, куда идет. Впрочем, ему достаточно было следовать по дороге, вымощенной желтым кирпичом, минус кирпичи и минус Изумрудный город.

Возможных направлений было только два: на северо-восток в Норман-Уэллс по разрушенной дороге, заваленной валунами с ледника; или на юго-запад в Уайтхорс по холодным, туманным долинам меж горами. Оба пункта назначения лежали очень далеко, и если бы Зеб держал пари, он на себя точно не поставил бы. Но путь на Уайтхорс на Юконской стороне вливался в настоящую дорогу, по которой ездили моторизованные средства передвижения. Там больше шансов, что его кто-нибудь подвезет. Вообще шансов на что-нибудь. Или на что-нибудь совсем другое.

Он двинулся в туман, стараясь держаться усыпанной галькой низины. Будь он героем фильма, он бы сейчас растворился в белизне, и по ней пошли бы титры. Но с этим торопиться некуда – он еще живой. «Лови момент», – сказал он сам себе.

Люблю бродить по булкам шлюх и песни распевать,
Хотя они тупые, их век бы не видать.
Ёба-на, ёба-на, охохо, ахаха...

«Ты отвратительно несерьезно относишься к своему положению!» – возмутился он.

«Ой, заткнись, я это всю жизнь слышу», – ответил он.

Разговаривать с самим собой – плохой признак. Вслух – еще хуже. Впрочем, он пока не галлюцинирует; хотя откуда ему это знать?

Солнце растопило туман часов в одиннадцать; небо стало ярко-синим; подул ветер. С высоты за Зебом следили два ворона, время от времени пикируя, чтобы посмотреть на него поближе нахальными глазами. Они ждали, когда кто-нибудь начнет его есть и они смогут тоже урвать кусочек: вороны не слишком ловки и не могут нанести жертве первый удар, поэтому предпочитают охотиться вместе с охотниками. Он съел энергобатончик. Он дошел до ручья с разрушенным мостом и был вынужден решать, что лучше: изувеченные босые ноги или мокрые ботинки. Он выбрал ботинки, но сперва снял носки. Вода была очень х... холодная. «Вот х... холодная вода», – сказал Зеб, и это была чистая правда.

Тут ему снова пришлось решать, что лучше – опять надеть носки и намочить их, или идти дальше в ботинках на босу ногу, растравляя мозоль, которая у него уже была. Сами ботинки стремительно становились почти бесполезными.

– В общем, ты улавливаешь картину, – говорит он. – Я шел вперед и вперед. День напролет, под ветром и солнцем.

– И как далеко ты ушел? – спрашивает Тоби.

– А как это измерить? Там мили не считаются. Недостаточно далеко, это все, что я могу сказать. И у меня кончились припасы.

Ночь он провел, притулившись меж двух валунов и дрожа как осиновый лист, несмотря на два космических одеяла и костер из сухого тальника и карликовой березы, найденной у ручья.

К тому времени, как на небе зарозовел следующий закат, у Зеба уже не осталось никакой еды. Он перестал бояться медведей; наоборот, ему не терпелось встретить медведя,

желательно пожирнее, и вонзить в него зубы. Ему снились мелкие шарики жира, кружащие в воздухе, как снежинки, или, точнее, градины; во сне они садились на тело Зеба, проникая во все щелочки и уголки, подпитывая. Мозг на сто процентов состоит из холестерина, и Зеб нуждался в подпитке, жаждал ее. Он мысленным взором видел собственные внутренности: ребра, а между ними пустота, полость, усаженная зубами. Если в такой жиропад высунуть язык, то воздух будет на вкус как куриный бульон.

В сумерках он увидел карибу. Зеб смотрел на карибу, а карибу – на Зеба. Слишком далеко, чтобы стрелять. Слишком быстро бегают, нет смысла гнаться. Они скользят по болотной топи, словно на лыжах.

Следующий день выдался солнечным и почти жарким; дальние предметы казались зыбкими по краям, как мираж. Был ли Зеб все еще голоден? Трудно сказать. Он чувствовал, как слова испаряются из него и сгорают на солнце. Скоро он останется бессловесным, а сможет ли он тогда думать? Нет и да, да и нет. Он сольется со всем остальным, со всем, что заполняет пространство, через которое он движется, и уже не будет стеклянной панели языка, чтобы отделить Зеба от не-Зеба. Не-Зеб просачивался в Зеба, обходя защитные сооружения, обтекая края, разъедая форму, вращая корешками в голову – как волосы растут, только наоборот. Скоро он зарастет совсем, сровняется со мхом. Ему нужно двигаться, не останавливаться, хранить свои очертания, определять себя через волну, которую гонит он сам, через след, оставляемый им в воздухе. Бодрствовать, быть начеку, прислушиваться к... к чему? К тому, что может напасть на него, остановить, сделать его мертвым.

У следующих развалин моста из низких кустов, окаймляющих речку, из воздуха сгустился медведь. Не было, и вдруг стал, и встал на задние лапы, застигнутый врасплох, предлагающий себя. Был ли рык, рев, вонь? Наверняка, но Зеб не помнит. Должно быть, он брызнул медведю в глаза спреем и застрелил в упор, но фотографических свидетельств не сохранилось.

Следующее, что он помнит, – как разделявал медвежью тушу, кромсая смешным ножичком. Руки по запястье в крови, а потом счастье, клад: мясо, мех. Два ворона держались на расстоянии, раскатывая «Р» и ожидая своей очереди; куски для него, потом ошметки для них.

«Не увлекайся», – сказал он сам себе, жуя и вспоминая, как опасно обожраться на пустой желудок, особенно такой жирной, сверхконцентрированной пищей. «Ешь понемножку». Голос доносился приглушенно, словно Зеб сам себе звонил по телефону из-под земли. Какой вкус был у этого мяса? Какая разница. Зеб съел сердце медведя – заговорит ли он теперь по-медвежьи?

Посмотрим на Зеба завтра, или через день, или когда там он прошел полпути незнамо куда – хотя он по-прежнему верит, что шел куда-то. У него новая обувь – обмотки из медвежьей шкуры, мехом внутрь, перевязанные полосками кожи, как на комиксах про пещерных людей. У него меховой плащ, меховая шапка, и все это по совместительству работает как спальный мешок, хотя оно тяжелое и вонючее. Зеб тащит груз мяса и большой шмат сала. Будь у него время, он перетопил бы сало и размазал по телу, а так он просто закидывает его в себя кусками, словно заправляясь горючим. Это и есть горючее, и Зеб его расходует; он чувствует, как оно сгорает внутри и идет теплом по жилам.

«Прощай, забота», – распевает он. Вороны по-прежнему следуют за ним как тени. Теперь их четыре; он для них словно Гаммельнский крысолов. «Как ко мне на подоконник прилетела птица счастья», – поет он воронам. Его мать обожала подобный бодрый ритмичный ретромусор. И еще жизнерадостные религиозные гимны.

И вдруг вдали появился велосипедист. Он ехал навстречу Зебу по лежащему впереди относительно гладкому куску дороги. Какой-нибудь любитель приключений и горного

туризма, сторчавшийся на эндорфинах. Такие время от времени появлялись в Уайтхорсе – пополняли запасы прибабасов в магазинах для рыбаков и охотников и следовали дальше, в холмы, желая испытать себя на старинной трассе Канол. Они обычно доезжали до барака. Потом ехали обратно. Возвращались худей, жилистей и безумней, чем были. Иные рассказывали, как их похитили инопланетяне, иные – про говорящих лис, иные – про человеческие голоса, звучащие над тундрой в ночи. Или получеловеческие. Которые их куда-то манили.

Нет, велосипедистов двое. Один сильно отстал. Должно быть, размолвка влюбленных, предполагает Зеб. В нормальной ситуации они держались бы вместе.

Горные велосипеды – чрезвычайно полезная вещь. А уж седельные сумки и то, что в них может оказаться, – тем более.

Зеб прячется в кустах у ручья и ждет, чтобы первый велосипедист проехал мимо. Женщина, блондинка, бедра как у богини или орехокола из нержавеющей стали, облитые глянцевым эластиком велосипедного костюма. Глаза под обтекаемым шлемом сощурены навстречу ветру, узкие бровки над модными очками-консервами, защитой от ветра и солнца, убийственно хмурятся. Вот она уже удаляется, трюх-трюх по буграм, задница тугая, как силиконовая титка, а вот и ее парень едет, нарочно приотстал, мрачный, углы рта опущены. Он ее чем-то разозлил, и она его за это наказывает. Его гнетет несчастье, в котором Зеб может помочь.

– Арррр! – орет Зеб. Или что-то вроде.

– Арррр? – смеясь, повторяет Тоби.

– Ну, в общем, ты поняла.

Короче говоря: он, замотанный в шкуру, с рыком выскакивает из кустов на парня. Жертва испускает сдавленный вопль и с лязгом валится набок. Даже не нужно бить беднягу по голове, он сам вырубился. Просто забрать велосипед с седельными сумками и скрыться вдали.

Когда Зеб наконец оборачивается, он видит, что девушка остановилась. Сердито сжатый рот, наверное, открылся буквой «О», означающей потрясение. Теперь она пожалеет, что отругала своего несчастного хахалю. Обладательница монументальных бедер примчится назад, встанет на колени и будет нежно ухаживать за ним, качать и баюкать, промокать царапины и проливать слезы. Парень придет в себя, заглянет, придурок этакий, в ее глаза, не защищенные очками, и она все простит (в чем бы это «все» ни заключалось). Потом они вызовут спасателей по ее мобильнику.

Что они скажут? Догадаться нетрудно.

Скрывшись из виду (съехав под горку и свернув в сторону), он открывает седельные сумки. Сокровище: набор энергобатончиков, какая-то квазисырная паста, ветровка, минипечка с баллончиком горючего, пара сухих носков и запасные ботинки с толстыми подошвами – они малы, но можно вырезать дырку для пальцев. И мобильник. И самое лучшее – удостоверение личности: это ему очень даже пригодится. Он разбивает мобильник на мелкие кусочки и прячет под камнем, а потом тащится вбок от дороги, по тундре, с велосипедом и всем добром.

Ему повезло – на пути попадает вскрытая пальза: наверное, злобный гризлый взрыл ее, охотясь на увертливых земляных белок. Зеб вместе с велосипедом зарывается во влажную черную землю, оставив наблюдательный зазор меж комьев. После длительного мокрого ожидания появляется топтер. Он зависает над местом, где, должно быть, обнимаются сейчас юные велосипедисты, дрожа и благословляя свою счастливую звезду. Из топтера опускается лестница, по ней через некоторое время взбираются влюбленные, и топтер уносит их в низком, неспешном полете, хлоп-хлоп, трюх-трюх. Зато теперь им будет о чем рассказать.

И они рассказывают. Уже оказавшись в Уайтхорсе, сбросив по дороге медвежьи шкуры и утопив их в ручье, сменив одежду на новую (дар Фортуны), удачно проголосовав на трассе, освежив внешность и переменив прическу, доработав кое-что в удостоверении личности велосипедиста и заправившись наличными через вызубренный на память «черный ход», Зеб прочитал все, что писали об этой истории.

Значит, йети существуют на самом деле! Они просто перекочевали в Бесплодные равнины в горах Маккензи. Нет, это не мог быть медведь – медведи не умеют ездить на горных велосипедах. И вообще эта тварь была семи футов росту, с глазами совсем как у человека, ужасно пахла и обладала почти человеческим разумом. Велосипедисты даже публикуют фотографию, снятую на мобильник девушки: бурое пятно, обведенное красным овалом (чтобы выделить на фоне всех остальных бурых пятен).

Не прошло и недели, как охотники за йети со всего мира скучковались и организовали экспедицию на место открытия. Они прочесывают район, где обнаружен йети, на предмет отпечатков ног, пучков шерсти и кучек помета. Глава экспедиции заявляет, что скоро у них будут решающие образцы ДНК, и тогда скептики будут посрамлены, и все увидят, какие они косные, растленные, ходячие окаменелости, отрицатели правды.

Очень скоро.

История Зеба, Спасибо и Спокойной Ночи

Спасибо, что принесли мне эту рыбу.

«Спасибо» значит... «Спасибо» значит, что вы сделали мне что-то хорошее. Или что-то такое, про что вы думали, что оно хорошее. Вы дали мне рыбу и этим сделали мне хорошее. Поэтому я теперь рада. И больше всего я рада потому, что вы хотели, чтобы я была рада. Вот что значит «спасибо».

Нет, не нужно давать мне еще одну рыбу. Я и без того уже достаточно рада.

Вы разве не хотите услышать про Зеба?

Тогда вам надо слушать.

После того как Зеб вернулся обратно с больших и высоких гор, на вершине которых лежал снег, после того, как он снял шкуру с медведя и надел ее на себя, он сказал медведю «спасибо». Духу медведя.

Потому что медведь его не съел и позволил ему съесть себя. И потому, что медведь дал Зебу свою шкуру с мехом, чтобы Зеб мог ее надеть.

«Дух» – это та часть вас, которая не умирает, когда умирает тело.

«Умирает»... это то, что делает рыба, когда ее ловят, а потом жарят.

Нет, умирают не только рыбы. Люди тоже умирают.

Да. Все.

Да, вы тоже. Когда-нибудь. Но не сейчас. Еще очень не скоро.

Я не знаю, почему. Так сделал Коростель.

Потому что...

Потому что, если бы никто никогда не умирал, а все только рожали все больше и больше детей, мир скоро переполнился бы, и в нем совсем не было бы места.

Нет, вас не будут жарить на огне, когда вы умрете.

Потому что вы не рыбы.

Нет, медведь тоже не был рыбой. И он умер как медведь. Не как рыба. Поэтому его не жарили на огне.

Да, может быть, Зеб сказал «спасибо» и Орикс тоже. Помимо того, что он сказал «спасибо» медведю.

Потому что Орикс позволила Зебу съесть одного из ее Детей. Она знает, что некоторые из ее Детей едят других; потому что они так устроены. Те, у которых острые зубы. И Орикс понимала, что Зеб тоже может съесть кого-нибудь из ее Детей, потому что он был очень голодный.

Я не знаю, сказал ли Зеб «спасибо» Коростелю. Может быть, вы спросите его сами, когда в следующий раз увидите. Но вообще Коростель не занимается медведями. Медведями занимается Орикс.

Зеб надел шкуру медведя, чтобы не замерзнуть.

Потому что ему было очень холодно. Потому что в тех местах гораздо холоднее. Из-за того, что там кругом очень большие горы со снегом наверху.

«Снег» – это вода, которая замерзла и превратилась в маленькие кусочки. Они называются снежинками. «Замерзла» значит, что вода стала твердая, как камень.

Нет, снежинки не имеют никакого отношения к Джимми-Снежнычеловеку. Я не знаю, почему часть его имени похожа на снежинку.

Я хватаюсь за голову руками, потому что у меня началась головная боль. Это значит, что у меня болит внутри головы.

Спасибо. Я уверена, что если вы надо мной помурлыкаете, это поможет. И еще мне поможет, если вы не будете задавать столько вопросов.

Да, возможно, что у Аманды тоже болит голова. Или что-нибудь другое болит. Может быть, вы над ней помурлыкаете.

Думаю, на сегодня уже хватит истории Зеба. Смотрите, луна восходит. Вам пора в кровать.

Я знаю, что вы не спите в кроватях. А я сплю в кровати. Поэтому мне пора в кровать. Спокойной ночи.

«Спокойной ночи» значит – я надеюсь, что вы будете спать хорошо, и утром проснетесь целыми и невредимыми, и с вами ничего плохого не случится за ночь.

Ну, например... Нет, я не знаю, что плохого с вами может случиться.

Спокойной ночи.

Шрамы

Шрамы

Она старалась это не афишировать – каждую ночь, рассказав историю Детям Короствеля, исчезала тайком, одна, и встречалась с Зебом так, чтобы никто не видел. Но ей никого не удастся обмануть – по крайней мере, никого из людей.

Конечно, им смешно. Во всяком случае, молодым – Американской Лисице, Голубянке, Крозу и Шекки, Колибри. Наверное, даже Рен. Даже Аманде. Любая тень романтических чувств у «хронологически превосходящих граждан» – законная добыча шутников. Для молодежи любовные страдания несовместимы с морщинами, а сочетание того и другого вызывает смех. Наступает момент, когда пышное и сочное становится черствым и жестким, кишащее жизнью море обращается в бесплодный песок. По мнению зрителей, у Тоби этот момент уже наступил и прошел. Она готовит настои трав, собирает грибы, прикладывает опарышей к ранам, ходит за пчелами и сводит бородавки. Это все – занятия для умудренной жизнью старухи. Вот пускай она и занимается своим делом.

А Зеб для них, наверно, скорее загадочен, чем смешон. С точки зрения социобиологии он должен делать то, что лучше всего получается у альфа-самцов: прыгать на аппетитных молодых, принадлежащих ему по праву, брюхатить их, передавать свои гены через самок, способных к деторождению. В отличие от нее, Тоби. Так почему он зря тратит свою драгоценную сперму, удивляются они. Вместо того чтобы мудро инвестировать ее – например, в яичники, охотно предоставленные Американской Лисицей. Сама Американская Лисица почти наверняка придерживается именно такого мнения, судя по языку тела: она хлопает ресницами, выпячивает груди, откидывает назад копну волос растопыренной пятерней, демонстрирует подмышки. Сигналы не менее ясны, чем синяя задница у Детей Короствеля. Бабуины в течке.

«Прекрати!» – командует себе Тоби. Вот так все и начинается среди выброшенных на необитаемый остров, жертв кораблекрушения, жителей города в осаде: ревность, раздоры, брешь в стене защиты групповых интересов. А потом враг, убийца тенью проскальзывает в дверь, которую мы забыли запереть, потому что нас отвлекли наши черные двойники. Мы в это время нянчили свои мелкие ненависти, взращивали затаенные обиды, орали друг на друга и били посуду.

Замкнутые группы в кольце врагов подвержены такому нагноению: склонны к мести и вражде. Вертоградари в свое время устраивали сеансы глубинного самоосознания – именно для того, чтобы с этим бороться.

С тех самых пор, как Зеб и Тоби стали любовниками, Тоби начали сниться сны, в которых Зеб исчезает. Он и вправду исчезает, когда она спит, потому что на ее односпальном ложе – прямоугольном выступе, торчащем из пола в комнатке-чулане, – недостаточно места для двоих. Так что Зеб каждый раз посреди ночи удаляется крадучись, будто в древней комедии, действие которой происходит в английской загородной усадьбе – и ощупью в темноте возвращается к себе в закуток.

Но в снах он исчезает по-настоящему: уходит далеко, и никто не знает, куда. А Тоби стоит у забора, окружающего саманный дом, – смотрит на дорогу, уже заросшую лианами кудзу, засыпанную обломками разрушенных домов и разбитых машин. Слышится тихое блеянье – или это плач? «Он не вернется, – говорит акварельный голос. – Он больше никогда не вернется».

Голос женский. Кто это? Рен? Аманда? Сама Тоби? Сценарий слащаво-сентиментален, как открытка в пастельных тонах – бодрствующую Тоби он раздражал бы, но во сне она теряет способность иронизировать. Она так плачет, что одежда промокает от слез, фосфоресцирующих слез, мерцающих, как сине-зеленое газовое пламя в том, что становится темнотой – может, Тоби в пещере? Но тут к ней приходит большое животное, похожее на кошку, и начинает ее утешать. Оно трется о ее ногу, мурлыча, как ветер.

Она просыпается и обнаруживает рядом с собой мальчика из Детей Коростеля. Он поднял край отсыревшей простыни, которой обмотана Тоби, и осторожно гладит ее ногу. От него пахнет апельсинами и чем-то еще. Цитрусовый освежитель воздуха. Они все так пахнут, но молодые – сильнее.

– Что ты делаешь? – спрашивает она, изо всех сил стараясь говорить спокойно. «У меня жутко грязные ногти на ногах», – думает она. Обломанные и грязные. Маникюрные ножницы; добавить в список для восторгания. Кожа у Тоби грубая по сравнению с идеальной кожей руки мальчика. Это он светится изнутри, или у него кожа настолько тонко проработана, что отражает свет?

– О Тоби, у тебя внизу ноги, – говорит мальчик. – Как у нас.

– Да, – соглашается она. – Ноги.

– А у тебя есть груди, о Тоби?

– Да, и они тоже, – она улыбается.

– У тебя две? Две груди?

– Да, – отвечает она, воздерживаясь от соблазна добавить «пока что». Интересно, а чего он ждал – одну грудь, три, а может, четыре или шесть, как у собак? Видел ли он когда-нибудь собаку вблизи?

– О Тоби, а у тебя между ног выйдет ребенок? Потом, когда ты станешь синей?

О чем он спрашивает? О том, могут ли рожать люди вроде нее – не Дети Коростеля? Или о том, может ли рожать она сама?

– Если бы я была моложе, тогда у меня мог бы выйти ребенок. Но не сейчас.

На самом деле возраст тут не главное. Если бы вся ее жизнь до сих пор была другой. Если бы ей тогда не нужны были деньги. Если бы она жила в другой вселенной.

– О Тоби, какая у тебя болезнь? – спрашивает мальчик. – У тебя что-нибудь болит?

Он протягивает ослепительно прекрасные руки, чтобы ее обнять. Не слезы ли это у него в странных зеленых глазах?

– Все в порядке, – отвечает она. – У меня больше уже ничего не болит.

Она продавала яйцеклетки, чтобы заплатить за квартиру – давно, когда еще жила в плембвилле, еще до того, как попала к вертоградарям. Ей занесли инфекцию. И все ее будущие дети разом перестали существовать. Но ведь она похоронила эту печаль много лет назад. А если и нет, то должна была похоронить. Принимая во внимание общую картину – положение дел с тем, что когда-то называлось человеческой расой, – подобные чувства следует отправить на помойку как бессмысленные.

Она собирается добавить: «У меня внутри шрамы», но вовремя останавливается. «Что такое шрамы, о Тоби?» – это будет следующий вопрос. Тогда придется объяснять, что такое шрамы. «Шрам – это как письмена у тебя на теле. Он напоминает о чем-то таком, что случилось с тобой раньше: например, о том, как у тебя был порез и из него шла кровь. Что такое письмена, о Тоби? Письмена – это метки на куске бумаги... на камне... на плоской поверхности, как песок пляжа, и каждая метка означает звук, а звуки сливаются вместе и означают слово, а слова, соединенные вместе, означают... А как делать эти письмена, о Тоби? Их делают с помощью клавиатуры... нет, когда-то их делали ручкой или карандашом, а карандаш – это... Или палкой. О Тоби, я не понимаю. Ты делаешь метку палкой у себя на коже,

чтобы разрезать кожу, и тогда получается шрам, и этот шрам превращается в голос? Он говорит и что-то рассказывает? О Тоби, а можно нам услышать, что говорит шрам? Покажи нам, как делать эти говорящие шрамы!»

Нет, лучше вообще не упоминать о шрамах. А то, чего доброго, Дети Коростеля начнут резать себя на кусочки, попытаюсь выпустить наружу голоса.

– Как тебя зовут? – спрашивает она у мальчика.

– Меня зовут Черная Борода, – серьезно отвечает мальчик. Черная Борода, знаменитый пират-убийца? Это милое дитя? У которого к тому же никогда не будет бороды, ведь Коростель ликвидировал всю растительность на теле сотворенного им вида. У многих Детей Коростеля странные имена. Зеб говорит, что их придумывал сам Коростель, у которого было своеобразное чувство юмора. Хотя почему бы Детям Коростеля не носить странные имена, если они сами странные?

– Я рада познакомиться с тобой, о Черная Борода, – говорит Тоби.

– А вы едите свой помет, о Тоби? – спрашивает мальчик. – Как мы? Чтобы листья лучше переваривались?

Это еще что за новости? Съедобные кашки? Об этом Тоби никто не предупреждал!

– Тебе пора вернуться к своей матери, о Черная Борода, – говорит Тоби. – Она, должно быть, беспокоится о тебе.

– Нет, о Тоби. Она знает, что я с тобой. Она говорит, что ты хорошая и добрая, – он улыбается, показывая идеальные зубки. Обаяшка. Они все невероятно привлекательны – как отфотошопленные люди на рекламе косметики. – Ты хорошая, как Коростель. Ты добрая, как Орикс. А у тебя есть крылья, о Тоби?

Он вытягивает шею, попытаюсь заглянуть ей за спину. Может быть, когда он ее только что обнимал, он просто хотел украдкой пощупать ей спину – нет ли там выступов, покрытых перьями.

– Нет, – отвечает Тоби. – У меня нет крыльев.

– Когда я вырасту большой, я с тобой спарюсь, – самоотверженно говорит Черная Борода. – Даже если ты... даже если ты будешь совсем чуть-чуть синей. И тогда у тебя будет ребенок! Он вырастет у тебя в костяной пещере! И ты будешь рада!

Совсем чуть-чуть синей. Значит, он ощущает разницу в возрасте, хотя слова «старый» в словаре Детей Коростеля нет.

– Благодарю тебя, о Черная Борода, – говорит Тоби. – А теперь беги. Меня ждет завтрак. И еще я должна пойти посмотреть на Джимми... Джимми-Снежнычеловека, чтобы узнать, не уменьшилась ли его болезнь.

Она садится на кровати и решительно ставит обе ступни на пол, намекая мальчику, что ему пора уходить.

Впрочем, он не воспринимает намека.

– Что такое завтрак, о Тоби? – спрашивает он. Она и забыла, у них не бывает приемов пищи как таковых. Они пасутся непрерывно, как все травоядные.

Он разглядывает ее бинокль, тычет пальцем в стопку простыней. Гладит винтовку, стоящую в углу. Точно так же вел бы себя и человеческий ребенок: бесцельно вертел что-нибудь в руках или ковырял с любопытством.

– Это твой завтрак?

– Не трогай, – резковато говорит она. – Это не завтрак, это такая особенная вещь для... Завтрак – это то, что мы едим утром. Такие люди, как я, с лишней кожей.

– Это рыба? Твой завтрак – это рыба?

– Иногда это рыба. Но сегодня у меня на завтрак будет часть животного. Животного, покрытого мехом. Может быть, я съем его ногу. Внутри будет вонючая кость. Ты ведь не хочешь видеть вонючую кость, правда? – Теперь-то он точно уберется.

– Нет, – неуверенно говорит мальчик. Он морщит нос. Однако перспектива его, кажется, заинтересовала: да и кто бы отказался подглядеть за отвратительной трапезой троллей?

– Тогда тебе надо уйти.

Но он все равно никак не уходит.

– Джимми-Снежнычеловек говорит, что плохие люди, которые жили в хаосе, ели Детей Орикс. Они их убивали и убивали, ели и ели. Они все время их ели.

– Да, они их ели, – соглашается Тоби. – Но они их ели неправильно.

– А те два плохих человека тоже ели их неправильно? Которые убежали?

– Да. Они ели их неправильно.

– А как их ешь ты, о Тоби? Как ты ешь ноги Детей Орикс?

Большие глаза устремлены на Тоби, словно она вот-вот отрастит клыки и набросится на него.

– Я ем их правильно, – отвечает Тоби, надеясь, что он не спросит, как же это – правильно.

– Я видел вонючую кость. Она лежала за кухней. Это завтрак? Плохие люди едят такие кости?

– Да. Но они делают и другие плохие вещи. Много плохих вещей. Гораздо более плохие вещи. Мы все должны быть очень осторожны и не выходить в лес поодиночке. Если ты увидишь этих плохих людей или любых других людей, похожих на них, ты должен сразу прийти и сказать мне. Или Крозье, или Ребекке, или Рен, или Белоклювому Дятлу. Любому из нас.

Она уже несколько раз объясняла это всем Детям Коростеля, в том числе и взрослым, но не уверена, поняли ли они. Они пялятся на нее и кивают, жуя медленно, словно думают о чем-то, но не похоже, что они напуганы. Это отсутствие страха очень беспокоит Тоби.

– Но не Джимми-Снежнычеловеку и не Аманде, – говорит мальчик. – Им не надо говорить. Потому что они больны.

Хотя бы это он понял. Он делает паузу, словно обдумывая что-то.

– Но Зеб сделает так, чтобы плохие люди ушли, – говорит он. – Тогда все будет безопасно.

– Да, тогда все будет безопасно, – соглашается Тоби.

Дети Коростеля уже возвели вокруг Зеба внушительный бастион из верований. Скоро он станет всемогущим и способным исправить любое зло; и это может сыграть плохую службу, потому что он, конечно же, не всемогущ. Он даже для меня не все может исправить, думает Тоби.

Но имя Зеба заметно приободрило Черную Бороду. Мальчик снова улыбается, поднимает руку, слегка машет – как президент в стародавние времена, как королева в веренице машин, как кинозвезда. Где он перенял этот жест? Вот он отходит бочком и исчезает в дверном проеме. Он не сводит глаз с Тоби, пока не скрывается за углом.

«Не напугала ли я его?» – думает она. Вдруг он теперь вернется к своим и начнет рассказывать им про омерзительные чудеса, как делают настоящие дети... как делают дети?

Фиолет-биолет

Вокруг саманного дома в разгаре обычный день. Похоже, все остальные уже позавтракали, хотя Американская Лисица и Белоклювый Дятел все еще сидят у стола, наверняка увлекшись причудливым флиртом – она ради практики, он, бедняга, всерьез.

Тоби озирается в поисках Зеба, но его нигде не видно: может, пошел принять душ. Крозье как раз выгоняет стадо париковец на пастбище: с ним Колибри – тащит пистолет-распылитель, прикрывая Крозье со спины. Под деревом натянута гамак Джимми, при котором несут вахту трое Детей Коростеля.

Голубянка и Рен заняты на стройке – идет расширение саманного домика. Безумные Аддамы большинством голосов решили добавить еще спальных закутков. Новые закутки будут просторней, чтобы было больше похоже на настоящий дом. Главная часть саманного дома строилась, чтобы показать, как жили люди в старину: эрзац-древность, словно динозавр из цемента. Рядом когда-то раскидывался рынок продажи и обмена натуральных продуктов «Древо жизни». Тоби помнит, как приходила сюда с вертоградарями продавать сваренное из отходов мыло, а также уксус и мед собственного производства, грибы и овощи, выращенные в саду на крыше. Давно, когда еще существовало само понятие покупки и продажи и еще жили на свете люди, которые что-то покупали, и люди, которые им это продавали.

«Надо бы поискать пчел», – думает она. Наверняка в каком-нибудь дупле найдется сбежавший рой. Завести несколько ульев и ухаживать за ними – это и полезно, и успокаивает.

Строительство проводится в несколько стадий. Сегодня утром Рен и Голубянка смешивают глину, солому и песок в пластиковом детском бассейнычке, украшенном Микки-Маусами. Деревянный каркас уже установлен, и на него день за днем добавляют слои глины. Каждый слой надо высушить, и этому мешают ежедневные послеобеденные грозы, но, к счастью, удалось восторгнуть пластиковые тенты для прикрытия.

Аманда сидит недалеко от Рен и Голубянки, положив руки на колени и ничего не делая. Она очень много времени посвящает этому занятию. Может быть, это она так медленно выздоравливает, думает Тоби. Медленно, как варится еда в медленноварке. Может быть, от этого результат будет лучше. По крайней мере, Аманда хоть чуть-чуть набрала вес. И в последние несколько дней явно старается что-то сделать: там сорняк выдернет, здесь снимет с грядки слизняка или улитку. В стародавние времена обитатели сада на крыше «переселяли» Наших Собратьев, Поедателей Овощей – то есть кидали их с крыши вниз, на улицу. Официальная формулировка гласила, что слизняки тоже имеют право на жизнь, но отнюдь не в не подходящих для этого местах, таких, как салатные миски, где им может быть нанесен вред зубами вертоградарей. Но сейчас слизняков слишком много – кажется, что каждый кустик, каждый овощ порождает их самопроизвольно. Поэтому по молчаливому общему согласию их кидают в соленую воду.

Аманде это, кажется, доставляет удовольствие – несмотря на то, что слизняки корчатся и исходят пеной. Но участие в строительстве ей не по силам. Раньше она была сильной; ее ничто не пугало. Крепкий орешек, изворотливая плеткокрыска, она могла справиться с чем угодно. Из них двоих слабой, робкой была Рен. Должно быть, то, что случилось с Амандой – то, что сделали с ней больболисты, – оказалось ей не по силам.

Несколько Детей Коростеля наблюдают за смешиванием глины. И наверняка задают вопросы. «Зачем вы это делаете? Вы творите хаос? Что это за существа с круглыми черными штукашками на головах? Что такое «микимаус»? Но они совсем не похожи на мышей, мы видели мышей, у них нет больших белых рук», и так далее. Любая новая вещь, обнаруженная в царстве Безумных Аддамов, – источник удивления. Вчера Крозье восторгнул где-то пачку сигарет, пока пас овец, и Дети Коростеля до сих пор не могут прийти в себя. «Он поджег

белую палочку! Он сунул ее в рот! Он вдохнул дым! Зачем ты это делаешь, о Крозье? Дым не для того, чтобы им дышать! Дым – для того, чтобы готовить на нем рыбу!» И так далее, и тому подобное.

– Скажи им, что это вещь Коростеля, – посоветовала Тоби, и Крозье последовал совету. Универсальная формула, подходит к чему угодно.

Несколько Детей Коростеля – женщины и малыши – стоят на бывшей детской площадке рядом с саманным домом и жуют листья с лиан кудзу, обвинивших горку и качели. Кудзу – их любимая еда. Коростель был весьма предусмотрителен – дефицита кудзу в ближайшее время не предвидится. Они съели почти все лианы с красной пластмассовой горки, и дети поглаживают горку, словно она живая. Никто не вспомнил бы, что тут были качели, если бы Дети Коростеля не сжевали зелень, растущую вокруг.

Тоби направляется в фиолет-биолет – не только потому, что ей туда нужно, но еще и потому, что не хочет садиться за стол, пока не ушла Американская Лисица. Тоби сознательно не дает себе подумать слово «шлюха»: женщина не имеет права называть этим словом другую женщину, особенно если к тому нет конкретных поводов.

«В самом деле? – ехидно осведомляется ее внутренний шлюхо-обличающий голос. – Можно подумать, ты не видела, как она смотрит на Зеба. Ресницы как у росянки, и зрачками поводит этак вбок, как на давнишней рекламе какого-нибудь уцененного проститубота: антибактериальные волокна, 100 %-ный слив жидкости, натурально звучащие стоны, регулятор сжатия для оптимального удовлетворения».

Тоби делает глубокий вдох и вызывает в памяти методы, которым ее учили вертоградари. Она представляет себе, как гнев пробивается сквозь кожу, наподобие рожек улитки, а потом росток гнева засыхает и отваливается. Она ласково улыбается в сторону Американской Лисицы, думая: «Все, что тебе нужно, – это попрыгать с ним в койке. Просто чтобы показать, что ты это можешь. Прибить его на стенку среди прочих трофеев. Ты ничего о нем не знаешь, ты неспособна оценить его по достоинству, он не твой, ты не знаешь, как долго я его ждала...»

Но все это не значит ровным счетом ничего. Никого не интересует. В этих делах нет понятия справедливости или законных прав. Если Зеб прыгнет в койку с Американской Лисицей – или прокрадется, или просочится в эту койку, – Тоби будет иметь право только на одну модель поведения: не говорить абсолютно ничего. Почему она знает – может, он уже работает на обе стороны: бросает ее по ночам, разомлевшую от ласк... они очень уж похожи на лучших друзей, не слишком ли товарищеские у них отношения?... и, может быть, после этого он втайне все еще неудовлетворен; и вот он тайком выходит наружу и снова тайком прокрадывается в дом, чтобы жадно наброситься на Американскую Лисицу, которая жадно набрасывается на него.

Ей невыносимо об этом думать. Поэтому она об этом думать не будет. Запрещает себе об этом думать. Делает усилие воли, чтобы НЕ думать.

Фиолет-биолеты остались в парке с прежних времен: три кабинки для мужчин, три для женщин. Солнечные панели все еще работают, питая ультрафиолетовые светодиоды и двигатели маленьких вентиляторов. Пока фиолет-биолеты функционируют, Беззумным Адамам не придется рыть отхожие ямы. К счастью, на улицах по соседству большие запасы туалетной бумаги для восторгания – туалетная бумага была не самой популярной добычей у мародеров во время той фазы чумы, когда шли грабежи. Что толку с туалетной бумагой? Ею не напьешься до отключки.

Внутри фиолет-биолетов стены до сих пор исписаны рукой жителей плебсвилля: несколько поколений надписей, одни поверх других. Когда-то люди, еще озабоченные

какими-то нормами приличия, пытались закрасить эти надписи, но несколько подростков, одержимых анархическим самовыражением, могут за час изгадить белую поверхность, которую три дня приводила к безмолвию бригада маляров.

*Дэрин! Я твоя подстилка, ты мой король!
Я тебя <3 больше всего на свете.
В жопу ККБ!
Лорис – тупая пизда
Чтоб тебя трахнули 100 000 пиббулей
Тот, кто пишет на стене,
Пусть купается в говне,
Тот, кто это все прочтет,
Пусть говна скорей хлебнет!
Позвони мне, хорошо и недорого,
будешь визжать 24×7 и сдохнешь обкончавшись
НЕ СТОЙ У МЕНЯ НА ДОРОГЕ СУКА
ИЛИ Я ТЕБЯ НОЖОМ*

И робкое, незаконченное:

Старайтесь любить! Миру нужна...

«Что есть, где срать, как прятаться, кого убивать: неужели это – самое главное? – думает Тоби. – Это то, к чему мы пришли – или свелись. Или вернулись?»

А кого ты любишь? И кто любит тебя? И кто не любит? И, если вдуматься – кто тебя серьезно ненавидит.

Взмах ресниц

Джимми в гамаке под деревьями все еще спит. Тоби проверяет у него пульс: он явно замедлился. Она меняет опарышей (нога перестала гноиться) и вливает в Джимми немножко грибного эликсира с добавкой Мака.

Стулья расставлены овалом вокруг гамака, словно Джимми – главное блюдо на пиру: гигантский лосось или кабан на блюде. Над ним мурлыкают трое Детей Коростеля, по очереди. Двое мужчин и женщина: золото, слоновая кость, черное дерево. Каждые несколько часов одну троицу сменяет другая. Может, у них ограниченный запас мурлыканья, и они нуждаются в перезарядке, как батарейки? Конечно, им нужно время попастьись и сходить на водопой, но, наверно, само мурлыканье – тоже что-то вроде электрических колебаний?

«Мы этого никогда не узнаем», – думает Тоби, зажимая нос Джимми, чтобы заставить его открыть рот. У нас уже нет возможности воткнуть электроды в чужой мозг, чтобы изучать его. Детям Коростеля повезло. В стародавние времена их украли бы из купола «Пародиза» – какая-нибудь конкурирующая корпорация. Делали бы им инъекции, электрошок, тыкали щупами, порезали бы на кусочки, изучая, как они устроены. Чтобы узнать, что в них тикает. Чем они мурлычат. Чем живут. Отчего болеют, если вообще болеют. И в конце концов от Детей Коростеля остались бы только аккуратные препараты ДНК в морозильнике.

Джимми глотает, вздыхает; левая рука дергается.

– Как он сегодня? – спрашивает Тоби у Детей Коростеля. – Он совсем не просыпался?

– Нет, о Тоби, – отвечает золотокожий мужчина. – Он путешествует.

У мужчины ярко-рыжие волосы, длинные стройные руки и ноги. Несмотря на цвет кожи, он напоминает иллюстрацию к детской книжке. Что-нибудь из ирландских народных сказок.

– Но сейчас он остановился, – говорит чернокожий мужчина. – Он залез на дерево.

– Не его собственное дерево, – объясняет женщина с кожей цвета слоновой кости. – Не то, на котором он живет.

– Он залез на дерево, чтобы спать, – говорит чернокожий.

– Вы хотите сказать, что он спит внутри своего сна? – уточняет Тоби. Тут что-то не так; непонятно, как это возможно. – Спит на дереве во сне?

– Да, о Тоби, – отвечает женщина. Все трое устремляют на нее лучистые зеленые глаза, словно она – крутящийся обрывок веревочки, а они – три скучающих кошки.

– Может быть, он будет спать долго, – говорит золотокожий. – Он застрял там, на дереве. Если он не проснется и не пойдет сюда, он вообще не проснется.

– Но ему становится лучше! – возражает Тоби.

– Он боится, – говорит женщина совершенно обыденным тоном. – Он боится того, что в этом мире. Он боится плохих людей, он боится Свиных. Он не хочет просыпаться.

– А вы можете с ним говорить? – спрашивает Тоби. – Можете сказать ему, что бодрствовать – лучше, чем спать?

Попытка – не пытка; вдруг у них есть какое-то средство для неслышного общения и они могут достучаться до Джимми, где бы он ни был. Волновые колебания, вибрация.

Но они уже не смотрят на нее. Они смотрят на приближающихся Рен и Голубянку с Амандой на буксире – она приотсталала, словно прячась у них за спиной.

Все трое садятся на свободные стулья, Аманда – с робостью. Рен и Голубянка заляпаны грязью после работы на стройке, а на Аманде нет ни пятнышка. Голубянка и Рен моют ее в душе каждое утро, выбирают для нее свежую простыню и заплетают ей волосы.

– Мы решили сделать перерыв, – говорит Рен. – И посмотреть, как чувствует себя Джимми... Джимми-Снежныйчеловек.

Женщина широко улыбается им. Двое мужчин тоже улыбаются, но сдержаннее: в обществе молодых женщин из саманного дома Сыновьям Коростеля теперь слегка не по себе. Им уже объяснили, что энергичное групповое совокупление в данном случае неприемлемо, и они не знают, как себя вести. Двое мужчин начинают переговариваться вполголоса, так что мурлыкает теперь только женщина с кожей цвета слоновой кости.

«Она синяя? Одна из них синяя. Две другие были синие, мы соединили свою синеву с их синевой, но они не были рады. Они не такие, как наши женщины, они не рады, они сломаны. Их тоже сотворил Коростель? Почему он сделал их такими, что они не рады? Орикс о них позаботится. Позаботится ли о них Орикс, если они не такие, как наши женщины? Когда Джимми-Снежнычеловек проснется, мы спросим его об этом».

«О, если б я могла побыть мухой на стене и подслушать, как Джимми объясняет Детям Коростеля неисповедимые пути Коростелевы! Человек – или вроде как человек – предполагает, а Коростель располагает».

– А Джимми... Джимми-Снежнычеловек выздоровеет? – спрашивает Голубянка.

– Думаю, да, – говорит Тоби. – Это зависит от того...

Она хочет сказать «...как работает у него иммунная система», но лучше не произносить этого при Детях Коростеля. («Что такое иммунная система?» – «Это такая вещь внутри вас, которая вам помогает и делает вас сильными». – «А где нам найти иммунную систему? Ее дает Коростель? Он пошлет нам иммунную систему?») и так далее, без конца.)

– ...от того, как он будет спать.

Дети Коростеля не протестуют; вот и ладно.

– Но я уверена, что он скоро проснется, – продолжает Тоби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.